

Иосиф Рочко

Даугавпилс, Латвия

О КНИГАХ ВОСПОМИНАНИЙ ДВУХ УЗНИЦ ДАУГАВПИЛССКОГО ГЕТТО

О книге Минны Кантор «Не было ли это сном?
Воспоминания о Двинском гетто»

В 1950-х гг. в Израиле на иврите вышла книга бывшей узницы Даугавпилсского гетто Минны Кантор «Не было ли это сном? Воспоминания о Двинском гетто»¹.

Минна Кантор (урожд. Альперович) родилась 8 января 1924 г. в Даугавпилсе в небогатой многодетной семье. Ее родителями были Хаим Альперович (1888, Динабург —?) и Этель Альперович (урожд. Смушкина; 1897, Двинск — 194?)². В семье было три дочери (Фейга, Минна, Рива) и трое сыновей (Яков, Самуил, Гириш)³. Семья владела небольшой лавкой детской одежды, в которой служило несколько наемных работников. Кроме того, в семье была няня, которая помогала присматривать за детьми.

М. Кантор окончила основную школу⁴, как она пишет, с «довольно средними результатами и стала помогать в лавке». В 1940 г. девушка поступила в гимназию, так как у нее было сильное желание учиться. Война прервала мирную жизнь.

Первые дни войны. Уже в первый день войны, утром 22 июня 1941 г., над городом низко пронесся самолет. Люди искали спасения в убежище, тревожно звучала сирена. «Русские говорят, что ничего страшного, а сами растеряны, не знают, что делать»⁵. На третий день в городе вспыхнули пожары⁶. Начались грабежи — грабили и хватали все, что было возможно, так как «магазины остаются без хозяев». Вместе с тем руководители города покидают его. Так, М. Кантор запомнился Плинер, который при советской власти служил «городским головой» — они с женой сели в автобусе, который ожидал их на улице⁷.

Этот эпизод побудил семью Альперович к активным действиям. Старший брат Минны Яков и племянник уходят, сопровождаемые словами матери: «Сынок мой, иди с миром и не возвращайся! Если понадобится взять в руки оружие, бери! Только не возвращайся». Однако большая часть семьи Кантор осталась в городе, где нет власти. Родители надеются, что со стариками и дочерьми ничего плохого не случится. «А вот сыновьям, взрослым и молодым, грозит опасность. А нам что сделают? Ведь мы даже не коммунисты!»⁸

Н а ч а л о н а ц и с т с к о й о к к у п а ц и и. 26 июня 1941 г. нацистские войска захватили Даугавпилс. Солдаты ворвались во двор и закричали: «Евреи, выходите вон!» Оккупанты уже были готовы расстрелять несчастных, но их спас

Автор благодарит Александра Фроста (США), бывшего жителя Даугавпилса, за возможность ознакомиться с книгой П. Френкель-Залцман и свою супругу Галину Рочко за помощь в обработке перевода текста этой книги. Своему другу детства Самуилу Грубину (Ришон-ле-Цион, Израиль) автор искренне признателен за возможность ознакомиться с книгой М. Кантор, а проф. Исидору Левину (Гамбург, Германия) — за перевод этой книги с иврита.

сосед-литовец, сказав, что они хорошие евреи. Минна увидела длинный ряд мотоциклов с немецкими солдатами: «...все здоровенные, начищенные, уверенные в себе. Они внушают страх своим высокомерием. Из первого мотоцикла обращаются ко мне: “Jude?”»⁹.

Каждый день следовали новые приказы, ухудшающие положение евреев: им нельзя ходить по тротуарам¹⁰, стоять в общих очередях, их избивают, куда-то уводят, и больше их никто не видит, продолжаются грабежи, разбой. Конечно, грабят брошенные магазины, принадлежавшие как евреям, так и неевреям. М. Кантор замечает, что «на обочинах улиц разбросаны мезузы¹¹, одежда, дорогие шубы». 17-летняя девушка сделала горький вывод: «Все живут по-прежнему, только у нас, евреев, положение изменилось к худшему»¹². Так мир раскололся на две неравные части: в одной — жизнь, в другой — смерть.

В воскресенье, 29 июня 1941 г., еврейские мужчины в возрасте от 16 до 60 лет должны были собраться на базарной площади. Их арестовали и отправили в тюрьму. Автор книги не была свидетелем этого эпизода, но отмечает, что «такова была их тактика. Сначала покончили с мужчинами. Чтоб не было никого, кто бы мог оказать сопротивление. А против женщин и детей воевать нетрудно»¹³. Такая тактика, с одной стороны, усилила ужас, а с другой — подавила возможное сопротивление в гетто. Начинается новый этап грабежа евреев. Но при этом грабят уже нацистские оккупанты. Они требуют ткани, ценные вещи, деньги, серебро, золото, бриллианты. Несчастных принуждают раздеваться догола, обыскивают. Видимо, новая немецкая администрация навела «порядок» в городе — местные жители не могут открыто участвовать в мародерстве.

13 июля последовал новый приказ: всем евреям, начиная с четырех лет, надо пришить к одежде желтую п я т и к о н е ч н у ю звезду: женщинам — на груди и на спине, а мужчинам — еще и на левом колене. Такая стигматизация указывала, что еврей тождествен коммунисту, комиссару. А значит, это увеличивало «вину» еврея перед рейхом. М. Кантор так оценивает стигматизацию: «Смешной их вид вызывает презрение. Звезда на колене еще страшнее»¹⁴.

15 июля последовал новый приказ: всем евреям приказано переселиться на левый берег Даугавы в предместное укрепление — в гетто. В последний раз Минна посмотрела «на домик бабушки. Дом небольшой и бедный, но надежный. О, как хотела бы я в нем остаться!»¹⁵ Евреи построились в шеренги, у всех несчастный вид, но отдается команда: «Марш!» Люди тащат с собой вещи, но по дороге часть их бросают — нет сил нести. Полицейские подгоняли несчастных. Людей перегнали на левый берег Даугавы в предместное укрепление. Гетто оказалось бывшими казармами латвийской армии. При этом Минна отметила, что молодых парней было мало.

В г е т т о. Первая ночь. Узники вынуждены были спать, не раздеваясь, подложив вещи под голову. Скученность такая, что нет возможности вытянуть ноги. Через несколько дней у мучеников кончилась еда. Единственное спасение — это возможность устроиться на работу у немцев. Но большинство не имеют и такой возможности и сидят голодными. «Мы бесхозные», — так оценивает Минна безработных и голодающих¹⁶.

Иногда Минна получала работу вне гетто. В таких случаях она гордилась собой, так как могла принести еду для семьи. Однажды взяла на работу ее маму. «В тот день я не находила себе покоя, скучая по ней. Стою весь день у ворот и поджидаю ее, когда же она вернется... И этот день был самый долгий в моей

жизни, я размышляю, как я могла бы жить без нее»¹⁷. Девушка еще не знает, что вскоре она останется без самого дорогого человека — мамы. А вот отца не берут на работу — есть узники и помоложе.

Каждое утро люди толпятся у ворот в надежде получить работу, а вечером родные ждут их с едой. Девушка попадает на работу не всегда, поэтому вечером она ждет людей с надеждой, что кто-то ей поможет: «Умоляю вас, принесите мне кусочек хлеба для моей голодной семьи, спасите их от голода»¹⁸. Конечно, о спасений своей семьи думает каждый. Лишь однажды знакомый портной дал ей кусочек хлеба. Минна счастлива, а вот ее мама несчастна. Мать испытывает не только голод, но и страх, унижение. Это главные, по мнению М. Кантор, чувства, которые испытывают узники. Работа дает не только еду, но и специальное удостоверение (пропуск). Такое удостоверение в какой-то мере хоть на время защищало счастливого его обладателя от расстрела¹⁹.

Наиболее крупные акции. Узник гетто мог быть расстрелян в любой момент. Каждый еврей находился в тени смерти. Небольшие акции происходили почти ежедневно. Но были страшные дни, когда в один день погибали тысячи людей. Первая крупная акция прошла в Даугавпилсском гетто 18 августа 1941 г. Старым людям было предложено покинуть гетто — их якобы переведут в другое благоустроенное место. М. Кантор обращает внимание, что с уходящими узниками обращаются вежливо, не кричат, не бьют. Ушла и бабушка Минны. Но никто не вернулся. «Мы все сидим как немые. Дух смерти витает в воздухе»²⁰.

19 августа 1941 г. в гетто произошла вторая крупная акция. В этот страшный день Минна возвращалась с работы. В гетто она услышала шум, крики, команды. Шла сортировка: одним — смерть, другим — пока еще жизнь. В этом смертельном ужасе, где смерть и жизнь слились воедино, узница решила выбрать смерть: «...и я захотела присоединиться к ним»²¹. Неожиданно ее спас полицейский (охранник), который вскипел, затопал ногами, закричал: «Вон отсюда! Ты куда?» Так неожиданное и необъяснимое мужество и гуманность охранника спасли девушке жизнь. В этот день была тотальная проверка удостоверений работающих. На этот раз оно спасало как работающих, так и членов их семей. А мать, брат и сестра Минны в этой суматохе оказалась в колонне смертников. Сестра Минны Ривка пыталась позвать маму, но та не услышала. «Ривка просит какого-то человека, чтобы тот подозвал маму, но этот человек просил оставить его в покое... У каждого было свое горе». Полицейский избил маму, она не хотела идти к воротам, крича: «Мои дети работают»²². Это не помогло. Полицейские были разные: один пожалел, другой отправил на смерть.

Семья Кантор в тот день потеряла трех человек. Минна с нежной любовью и горьким сожалением описывает эту невозполнимую потерю: «...и хочу отдать хлеб маме, но нет ее протянутой руки», «у нас уже нет тех, кто бы ел», «сердце разрывается на части... мы не можем разговаривать», «мы превратились в камни»²³. Она горько сожалеет о 18-летней сестре и 7-летнем братике Гиршеле, называя его олененком. Описание потерь превращается в горький плач. Когда-то она отшлепала брата за то, что тот катался на ее велосипеде. «Приди, братик мой, возьми велосипед! Все бери и радуйся»²⁴.

Часть выживших продолжали ходить на работу, но настроение узников изменилось. Минна описывает психологическое состояние жестко: «...не о чем говорить, все потеряно. Мы все... искалечены. Наш мир разрушен. Мы не люди, а лишь тени»²⁵. Если в начале июля еще была надежда на спасение, то сейчас все

обречены на смерть. Евреи изменились: «Люди ходят как тени. Все ходят тихо, закрытые в самих себе. Здесь не кричат, не говорят громко. Здесь все делается молча. Вся жизнь тут “спокойная”. Как на кладбище»²⁶.

Третья большая акция прошла 7—8 ноября 1941 г. В гетто распространялись различные слухи. Минна с сестрой переходят с одного места на другое. Они перебрались в какое-то полуразрушенное здание. Наконец, узница наткнулась на какое-то окно. «...Не зная, что со мной происходит, я прыгнула через... окно, оставив за собой сестру». В этот момент сработал инстинкт самосохранения — девушка так и не поняла, что заставило ее покинуть своих близких. «Лишь о сестре я горевала: почему я ее забыла?» Минна сняла «желтую лату» и начала уходить подальше от гетто. Встречались люди, но они не обращали на нее внимание. Наконец, она зашла в дом к знакомой женщине. «Такое наслаждение! Ох! Как хорошо здесь, в доме, люди живут спокойно»²⁷. Однако в этом доме можно остаться лишь одну ночь, так как завтра будут искать евреев, убежавших из гетто во время акции. Минна ушла. На улице снег и холодно. Свое состояние она передает сурово: «Нет у меня места под синим небом». Бедная девушка проходит через какую-то деревню. Люди идут на работу, дети — в школу: «Они радуются, ликуют и громко смеются, смотрят в мою сторону»²⁸. Неевреи живут обыденной жизнью, евреи находятся в тени смерти. Два мира — две жизни.

Минна пыталась спрятаться в каком-то доме, но хозяйка куда-то ушла. Девушка подозревает, что она могла пойти в полицию. Преследуемая прячется в хлеву, курятнике, под скирдой сена. «Даже среди куриц бывает хорошо». Приходилось спать на улице, в лесу. «Вся вселенная еще спит. Я же не смогла закрыть глаза от холода». Наконец обессиленная девушка нашла убежище в каком-то сарае в куче соломы. Рядом столярничал хозяин сарая. Неожиданно появились полицейские, которые свистят, кричат: «Выходи, выходи отсюда вон. Если выйдешь, будет тебе лучше, а если не выйдешь, тебя ждет более строгое наказание...»²⁹ Минна не вышла, а полицейские потребовали от хозяина вынести солому. Но он уверен, что в соломе никого нет. Ретивые полицейские поднялись на кучу соломы, штыком проверили каждый уголок. «Не хватало самую малость»³⁰. Незнакомый столяр невольно оказался спасителем Минны. Можно только догадываться, что пережила несчастная девушка. Выбравшись из соломы, она продолжала искать надежное убежище. Знакомая женщина указала ей мастерскую, где работали евреи. Здесь девушка, не евшая несколько дней, получила кусочек хлеба. Вечером работавшие в мастерской уходили в гетто, а Минна пряталась в бане. «Я почувствовала себя очень заброшенной, такой несчастной». Вечером 15 или 16 ноября Минна вместе с ремесленниками возвратилась в гетто. Живы ли ее родные? «Я чую запах крови, который несется из гетто... Только кровью дышу теперь! Иссак чистый воздух, ушли звезды, а белый снег шуршит под моими ногами. Лишь запах крови! Кровь маленьких детей! Кровь матерей! Чистая еврейская кровь!»³¹ Автор книги противопоставляет кровавый запах смерти белому снегу, звездам и чистому воздуху.

Почему Минна вернулась в гетто? Как это ни парадоксально, там можно было получить хоть какую-то работу, а значит, еду. Там были знакомые и родные. На «свободе» люди боялись помочь евреям, в любой момент могли сообщить полицейским. Так, гетто как место уничтожения становится местом спасения³².

В гетто после крупнейших brutальных акций совсем другая обстановка. Там, где в окнах светились свечи, темно. Нет людей, нет свечей. Минна нашла отца и

сестру Ривку. А где же 14-летний братик Шмулик? Его застрелил полицейский во время акции, когда ребенок выглянул в окно. Так, из семьи Кантор осталось трое.

О первомайской акции 1942 г. М. Кантор упоминала вскользь. Она, отец и тетя находились на работе в крепости. По ее описанию, «однажды немцы прибыли в гетто и хватали людей вместе с маленькими детьми, которые еще оставались живы, и бросали их через окна»³³. В тот день погибли и все члены юденрата. «Я еще раз вижу себя маленькой. Несчастной, но я осталась жить...»³⁴.

Повседневная жизнь в гетто. Что же происходило в гетто после людоедских акций? Ремесленники, имевшие удостоверения, продолжали ходить на работу, возвращались, выходили на улицу подышать свежим воздухом, разговаривали. Евреи говорили о политическом положении, рисовали картины, что придут русские и освободят их. Мечтали о прошлом, о том, какую пищу готовили, как хорошо бывало дома. Голодные по памяти наслаждались запахом домашней еды, который вызывал еще больший аппетит... М. Кантор считала, что это просто мечты, просто сон до новой акции, пока всех не убьют... Чувствуется, что после этих акций она потеряла надежду на спасение. Она скучает по своим родным, она хочет присоединиться к ним, почувствовать их близость. Но какой в этом смысл? В один из дней сестра Ривка с госпожой Зак попытались бежать из гетто через то же окно, через которое бежала Минна. Их заметили. На следующий день их убили. Из семьи остались двое. М. Кантор даже не может оплакивать родных! «Ведь завтра нас ждет та же участь. Кто поймет меня? Кто почувствует мою великую скорбь? Кто меня успокоит? Кто прижмет к сердцу?»³⁵ Даже разговоры с евреями вне гетто были опасны. Так, однажды Минна, идя по городу с группой женщин на работу, увидела няню: «Вера!» Ей показалось, что семья Кантор еще существует. Нет, это только сон... Вера испуганно сказала: «Не говори со мной, Минна, только не говори!»³⁶

Объявленный лютой зимой 1941—1942 гг. карантин еще более ухудшил положение узников. Работающим запрещалось входить или выходить в гетто. Не стало хлеба. Кормили только кислой и гнилой капустой. Главное чувство, которое испытывали евреи, был не страх, а голод: «Я молю мою душу о смерти, ибо голод стал невыносим». Четырехмесячный карантин закончился лишь весной 1942 г.

После акции 1 мая 1942 г. выжившие узники гетто были переведены в Даугавпилсскую крепость, находящуюся на правом берегу Даугавы. Здесь условия были гораздо лучше, чем в предместном укреплении. Разрешали даже гулять по окрестностям крепости. Группа женщин, и среди них Минна, мыли и убирали какие-то помещения, а их охраняли два солдата. Женщины не очень старались работать, да и солдатам было безразлично качество уборки. Главное, чтобы их не отправили на фронт, ведь охранять беззащитных евреев гораздо безопаснее, чем попасть под пули на Восточном фронте. Офицер, увидев, что работа продвигается медленно, по словам М. Кантор, пригласил группу нееврейских женщин из города работать за плату³⁷.

Оставшиеся узники были в основном «одиночками» — их семьи уничтожили раньше. Иногда евреям разрешали выйти в город, а узникам, работавшим в мастерских города, можно было прийти в крепость. Это были в основном сапожники, портные, слесари, механики. Они уцелели благодаря своей профессии и золотым рукам.

Летом 1942 г. и Минна Кантор была переведена в одну из мастерских в городе. Уборка, приведение в порядок одежды, поступающей с фронта, — такова была работа. Весной 1943 г. Минна задала себе мучительный вопрос, который терзал всех узников: «Что с нами, наконец, будет? Неужели мы никогда не освободимся от немцев? Может ли случиться так, что настанет день, когда нас убьют?» М. Кантор пишет: «Я хочу жить!»

28 октября 1943 г. наступил последний день существования гетто. Утром женщины собирались идти на работу. Однако дверь оказалась закрытой. «Перед нами закрыли вселенную»³⁸. Этот день стал трагическим для группы евреев. Некоторые подумали, что перевод в другое место — это последняя акция. Кто-то принял яд, кто-то повесился, кто-то застрелил своих родных и покончил с собой, чтобы не умереть от немецких пуль³⁹. Евреев перегнали на товарную станцию Гаёк, а затем в товарных вагонах отправили в Ригу. Конечно, узники об этом узнали позднее. Если решили убить, то зачем так далеко везти? Любая остановка поезда воспринималась как последняя. Нет ли приготовленных для них рвов?

Ю д е н р а т. Как правило, бывшие узники гетто в своих воспоминаниях подробно рассказывают о роли юденрата. М. Кантор лишь несколько раз упоминает о нем. Так, на следующий день после акции 19 августа 1941 г., когда часть семьи Кантор была уничтожена, к ним явились люди из комитета (юденрата). Нет, они не пришли, чтобы успокоить их. Оказывается, они собирали вещи убитых⁴⁰. Возможно, юденрат хотел откупиться или спасти себя или узников.

В ноябре в гетто было тревожно: говорили, что готовится акция. Так ли это было или эти слухи распространяли члены юденрата, чтобы выслужиться перед хозяевами? Пришло указание от юденрата: «Кто имеет деньги, серебро, золото, шубы, обязан это принести и сдать в комитет в течение трех дней, а если потом найдут у кого-нибудь ценности, не сносить ему головы!» Конечно, люди относили все более-менее ценное. Узники надеялись хотя бы на временное спасение. Не помогло! 7—9 ноября 1941 г. гетто вновь захлестнула смертельная акция. М. Кантор сняла с себя и с сестры сережки, но не отнесла их в юденрат — сережки можно было обменять на хлеб.

Во второй половине ноября в юденрат неожиданно вызвали сестру Ривку, которая была замечена во время попытки бегства. Она не возвратилась. Минна пошла в комнату юденрата, чтобы выяснить, что случилось. Однако один из членов комитета, закричав на девушку, потребовал, чтобы она немедленно ушла. Узница обратилась к коменданту гетто⁴¹, но и тот приказал немедленно уйти. М. Кантор описывает его как мужчину сорока лет, носившего форму бывшей латвийской армии.

Третий раз М. Кантор упоминает юденрат в связи с беспощадной акцией 1 мая 1942 г. Вместе с почти 500 узниками были ликвидированы также члены комитета. По словам М. Кантор, они наверняка этого даже не подозревали. Они были уверены, что их оставят в живых⁴². Члены юденрата прожили до тех пор, не зная голода. В этих нескольких фразах отчетливо видно, что между членами комитета и остальными узниками была социально-психологическая пропасть. Одни голодали, другие не знали голода, одни всегда были в тени смерти, другие были уверены в жизни. Кажется, что даже в гетто существовали два мира. На самом деле жизнь членов юденрата была страшным выбором между жизнью и смертью. Состав юденрата менялся, а точнее, обновлялся, так как часть его членов со временем уничтожалась.

Председатель юденрата М. Мовшензон, его жена Груня Рапопорт, последние члены юденрата были уничтожены 1 мая 1942 г. Никто из членов комитета не выжил. Идеология нацизма была проста: еврей — значит, преступник, поэтому должен быть уничтожен.

В книге М. Кантор «Не было ли это сном?» упоминается начальник еврейской полиции Пастернак. М. Кантор называет его «капо»⁴³. Он также не выжил. Его существование в гетто было незавидным. Как-то в городе была обнаружена красавица Маша Шнейдер. Она жила по фальшивым документам. Даже якобы собиралась выйти замуж за немца. Ее поймали, привезли в гетто и заставили Пастернака повесить женщину. Несчастная Маша Шнейдер трижды срывалась из петли. Наконец, «капо» довершил это «дело»⁴⁴.

С п а с е н и е и п о м о щ ь. Ряд эпизодов, упомянутых М. Кантор, нуждаются в уточнении. В нескольких строчках она рассказывает о спасении некой девочки Ривочки из Литвы. О ее спасении впервые написал З. Якуб, а позднее автор этих строк нашел новые факты⁴⁵.

Многолетняя семья Бедер из Каунаса во время налета потеряла девочку Риву. Девочка с другими беженцами добралась до Даугавпилса. Красивая девчушка, блондинка с вьющимися локонами, была обнаружена в телеге во дворе дома бабушки Минны Кантор. Во время налета немецкой авиации ребенка спрятали в подвале дома по ул. Саулес. Здесь ее увидел нетрезвый Антон Адомянец. Он хотел ее забрать, но евреи не отдавали Риву, возникла драка. После отмены тревоги евреи убежали с девочкой. Позднее Рива, как и другие евреи, оказалась в гетто.

Антон Адомянец, видимо, не забыл об этой девочке. Он рассказал о ней своей жене Софье Ивановне Адомянец (урожд. Лисаускайте; 1896, Утена (Литва) — 1983, Лос-Анджелес (США)). С. И. Адомянец, выросшая среди евреев Утены, знала идиш. Узнав, что прелестная девочка попала в гетто, семья Адомянец решила спасти ее из этого ада. Им удалось добыть фальшивую справку из Паневежиса, что девочка их племянница. Позднее они убедили в этом руководство гетто. С большим трудом удалось найти Риву в гетто, и Антон забрал сопротивляющуюся и не понимающую, в чем дело, девочку. Жили спасители и Рива по ул. Лачплеша, 37. Девочку прятали в огромном сундуке. Ее окрестили в Новостроенском костеле в Даугавпилсе, где она превратилась в Регину Антоновну Адомянец⁴⁶.

Однажды знакомая предупредила С. И. Адомянец, что дома ее ждет полицейский. Она вместе с ребенком не вернулась домой. Отправились в Резекне, позднее жили в Свенте (ныне поселок в Даугавпилсском крае) у родственников Хелены и Петериса Парадник. После войны нашелся брат Ривы Лазарь. Некоторые время они жили в Литве, а в 1981 г. эмигрировали в Лос-Анджелес, где Софья Ивановна Адомянец скончалась. Ей было присвоено звание Праведника народов мира.

В воспоминаниях М. Кантор упоминается некий «гражданский начальник, добрый человек», живший рядом с крепостью⁴⁷. Женщины, работавшие на огородах, встречались у него дома. Речь идет об агрономе Петре Афанасьеве, который сочувствовал узникам и помог им. 28 октября 1943 г. в суматохе во время закрытия гетто Броня Маева, Мира Мусина, Буна Зеликман и ее дочь Роза добрались до дома П. Афанасьева. Девять месяцев они прятались у него в подвале. Летом 1944 г. П. Афанасьев перевез женщин к брату в Краславу, где они были спасены⁴⁸.

Пыталась спастись и неизвестная женщина. Ее с двумя детьми привели в гетто. Женщина утверждала, что она не еврейка. На груди — крест, в руках — христианский молитвенник. Но о ее судьбе ничего не сообщается.

Л ю б о в ь. Даже в нечеловеческих условиях нашлось место и самому прекрасному чувству — любви. М. Кантор находит необыкновенные слова для описания этого чувства. После акции 7—9 ноября 1941 г. автор воспоминаний рассказывает о женщине, у которой был «роман». Эта женщина настолько была уверена, что останется жить, что ей уже было не до гетто, ей было безразлично, что в нем происходит. Влюбленную занимала лишь любовь к молодому парню, и она была счастлива⁴⁹. Во время одной из проверок пропуск счастливой женщины был аннулирован. У нее оказалось «пятно»: она принадлежала к коммунистам. Узница оказалась среди обреченных на смерть. Женщины, у которой еще вчера все было впереди, сегодня не стало.

С м е р т ь и с м ы с л ж и з н и. Как Минна Кантор представляет саму себя в собственных воспоминаниях? Так, «немец... заметил, что я дурно выгляжу, и пробудилось в нем сочувствие, и каждый день после работы он стал приносить мне посуду с вареной пищей и целую буханку хлеба»⁵⁰. Советский военнопленный предложил ей участвовать в побеге. Мало того, «он начал интересоваться мною»⁵¹, а также передавал Минне или для нее продуктовые посылки. Неважно, что эти посылки забирала ее подруга. Узнице явно импонирует то, что ею хоть кто-то интересуется.

Любая помощь со стороны советских военнопленных, немецких солдат и офицеров, гражданских лиц спасала узницу. Полученной едой Минна делилась с отцом. Это помогло ему выжить, затем выйти на работу, получить удостоверение на жизнь.

Автор воспоминаний «Не было ли то это сном?» с теплотой рассказывает, что ей удалось сытно поесть у незнакомого человека. Немецкий солдат отдал ей большой мешок с сухарями. Мужчины получали то, что оставалось на кухне от немцев.

Зимой 1944 г. деревянные сандали Минны порвались. Русский военнопленный дал ей тряпки для мытья полов и веревочки, чтобы их перевязать. Помощь всегда была радостным и счастливым моментом. Узнице гетто доставляет радость вид раненых немцев — «по крайней мере, стреляют не только в нас!»⁵². Горе для одних — радость для других...

Радость узнице доставляет и окружающая природа. «Прошла зима. Пришла весна, опять с неба засияло солнце. Защебетали птички. Снег начал таять»⁵³. Или в другом месте: «Солнце сияет. Как я люблю солнышко! <...> Я наслаждаюсь его теплом. Вдруг перед нами открывается прекрасное место. Тут все зелено. Есть деревья, трава, я наслаждаюсь прекрасным видом природы. Я чую волю. Как хороша она, воля, как прекрасна природа вселенной! Я задерживаюсь и не могу насытить своих глаз красотой этого вида. Я на седьмом небе, когда до наших ушей доносятся голоса девушек... Девушки плавают и смеются... Вот маленькая группа. Как полна она жизни! Они хотят жить и умеют жить». Природа даже помогала узникам: «Лучи проникают в лагерь и согревают жалких евреев»⁵⁴. Эти отрывки характеризуют молодую девушку как романтическую натуру. И хотя рядом смерть, она надеется на жизнь. «Девушки молоды и полны жизни, они хотят жить»⁵⁵. В этом жизнеутверждающий мотив воспоминаний.

В своей книге М. Кантор предстает очень привлекательной девушкой. Она пытается выделиться из массы узников. Даже в нечеловеческих условиях

Минна озабочена своей внешностью. Это проявляется в ряде драматических эпизодов⁵⁶. Ею интересуются советские военнопленные, немецкий офицер захотел ее поцеловать, но затем передумал и даже извинился перед узницей.

Минна сожалеет о своих братьях и сестрах, но в то же время правдиво отображает изменения в их характерах. Каждый хотел выжить в условиях всеобщего голода и тотальной смерти. «Какая-то женщина на дворе заметила хлеб, а другая схватила этот хлеб, тогда на нее напала третья женщина и вырвала хлеб из ее рук... Мы превратились в зверей в силу положения, в котором оказались».

Смерть всегда была неотъемлемым атрибутом узников гетто. Смерть и Катастрофа стали синонимами для евреев в эти годы.

О смерти в доме М. Кантор начинают говорить уже 26 июня 1941 г. — в день, когда нацистские войска захватывают Даугавпилс. «Мать предлагает затопить печь, чтобы умереть всем вместе» (по всей вероятности, отравившись угарным газом). Но отец — человек набожный, а самоубийство противоречит иудаистскому вероучению. Он решает, что лучше умереть от пули. Примерно также воспринимает смерть 14-летний братик Шмулик. Полицейский выстрелил ему в живот, и, лежа в больнице, умирающий ребенок просит отца после его смерти читать псалмы.

Не раз М. Кантор задумывается о смысле жизни. Конечно, умереть в гетто не проблема, можно присоединиться к уничтоженным родным. Но какой в этом смысл? И все-таки «сердце тает от тоски по ним». Погибнуть можно было не только от пуль убийц. Смерть узникам гетто приносил и голод. «Когда не стало сил терпеть, я молю мою душу о смерти, ибо голод стал невыносим»⁵⁷.

Кайзервальд — Попервальн — Дундага — Штутгоф — Германия. 30 октября 1943 г. последних узников Даугавпилсского гетто доставили в Кайзервальд⁵⁸. Здесь М. Кантор увидела немецких евреев, которых «перебросили в чужое место, к чужим людям с чужим языком»⁵⁹. Последовало несколько проверок, дезинфекция одежды. Но и здесь мучители поиздеваются над узницами: высокие женщины получают одежду детского размера, а невысокие — больших размеров⁶⁰. На спину прикрепили «желтую заплату». В этом же лагере оказался и отец Минны — Хаим Альперович.

В лагере установлен строгий порядок. Вставать надо было в 5 часов утра, затем следует *Appell* — проверка, во время которой евреев пересчитывают. Работа длится до 17 часов, а после нее вновь *Appell*, и только потом женщины могут отправиться в барак. В 9 часов вечера в бараках выключают свет.

Минне повезло: надсмотрщица направила ее на работу в прачечную. Это гораздо лучше, чем земляные работы за пределами лагеря. Кормили ужасно: немного хлеба да коричневая капуста с песком.

Однажды женщинам предложили переехать в другой лагерь — Попервальн⁶¹. Минна решила, что так будет лучше. На товарном поезде людей доставили на новое место. «Управлял» новым лагерем рижский еврей. Шенберг. Приходилось жить в палатках, где размещались по 15 человек. Узники заготавливали дрова, убирали помещения, работали на кухне. Удачным считался день, когда Минна с группой девушек получала задание привезти в лагерь хлеб и молоко. По мнению девушек, в этом лагере кормили лучше — все, что оставалось на кухне от немцев, отдавали евреям. Но всегда стоял вопрос: что ждет узников? «Мы стараемся найти смысл в этой пустой, нереальной жизни»⁶². Нереальная жизнь — неужели это только сон? Летом 1944 г. в лагерь прибыла группа мужчин из Риги и среди

них отец Минны. Через некоторое время в лагерь привезли группу женщин из Чехословакии.

Издевательства над узниками не имели конца. Неожиданно поступил приказ, что женщинам необходимо состричь волосы, а мужчинам побреют голову посредине⁶³. Конечно, женщины были расстроены, но, как говорится, потеряв голову, по волосам не плачут. Во время одной из проверок выяснилось, что куда-то пропали три женщины. За это был расстрелян еврей, стоявший первым в ряду. Правда, затем «беглянки» нашлись: оказалось, несчастные провалились в выгребную яму. Однажды женщин, возвращающихся с работы, не впустили в лагерь. Был отдан приказ по-латышски: «Стрелять медленно, прицельно»⁶⁴. Но вдруг поступил новый приказ из Риги: отправить евреев в Германию. Выяснилось, что узники решили перевести в Дундагу. Обессиливших женщин пешком перегнали к новому месту. Это был жаркий день, узниц мучили голод и жажда, приходилось выбрасывать жалкие пожитки. Затем вновь следует приказ двигаться в неизвестном узникам направлении. Наконец, измученные люди достигли какой-то речки. Им пришлось переправляться вброд, иногда вода доходила до горла. В конце концов выжившие добирались до Лиепаи. После нескольких дней пребывания в приморском городе мучениц по железной дороге в товарных вагонах отправили в Германию⁶⁵. Так Минна попала в концлагерь Штуттоф⁶⁶.

Жизнь в концлагере была невыносимой. Нехватка воды, непрерывные проверки, ужасные издевательства со стороны надсмотрщика — заключенного-садиста Макса. Так продолжалось месяц. Повезло: сотню молодых девушек отобрали на работу. Минна попала в число счастливиц⁶⁷. Из вещей у девушки остались миска для еды и фотографии родных. Миска была привязана веревкой. Все это было скрыто под одеялом, которое служило верхней одеждой. Узниц опять куда-то отправили по железной дороге. В новом лагере оказались люди из Риги и Даугавпилса, Вильнюса и Венгрии⁶⁸. Годы пребывания в гетто и лагерях отражаются не только на моральном, но и на физическом состоянии узников: «становится страшно на них смотреть»⁶⁹. Правда, как считает М. Кантор, к женщинам здесь относились лучше, чем к мужчинам. К тому же многое зависело от начальника той или иной группы и характера работы.

Однажды Минне удалось подслушать речь фюрера, которую передавали по радио. «Евреи — те, кто хотел этой войны... и он завершит эту войну, покончив с нами»⁷⁰. Девушку удивило, что бесноватый говорит только о войне против евреев, при этом не упоминая другие народы. Война для нацистов проиграна, но идея уничтожить евреев вечна. Узница понимает, что «они нас в живых не оставят. Прежде чем потерпят поражение, они прикончат нас»⁷¹. В то же время нацисты, слыша речь вождя, по мнению М. Кантор, наслаждаются ею, продолжая ему верить. И все же надежда на жизнь возрастает. Начальник сообщает с радостью: «Теперь уж довольно, нет у вас больше друга, ваш самый большой друг Рузвельт умер!»⁷² Но что же будет с евреями?

Лагерь бомбили американские самолеты, так как рядом расположен аэродром. Мучения узников увеличивались из-за нехватки продовольствия. 29—30 апреля 1945 г. обессиливших людей повезли в сторону Мюнхена. Невыносимый путь в товарных вагонах продолжался пять дней. Кто-то не выдержал последних мучений. Видимо, здесь их ждало уничтожение. При попытке бежать начальник поезда бросился за несчастными. Обнаруженные были им убиты, а часть вновь вернулись в поезд смерти. Конечно, ему надо скрыть преступления нацистов. Увидев прибли-

жающихся американцев, начальник бросил евреев. 30 апреля 1945 г. американские войска принесли мученикам самое долгожданное — свободу⁷³. «...Это великое мгновение... оно меня совсем не радует. Что случилось со мною? Не сон ли это?»⁷⁴

Это был только сон? Почему такое странное заключение страдальцы? В этом страшном «сне» она провела четыре года. Все эти годы у Минны была цель — выжить. Цель отпала в момент освобождения. В новом реальном мире 21-летняя девушка осталась одна. Ей видятся убитые сестренки и братишки⁷⁵. Ей стыдно перед ними, ведь они тоже хотели жить. Почему только ей удалось выжить в этом нереальном мире? Неужели это был только сон?

Не раз приходилось слышать от бывших узников, что они всегда будут сожалеть о своих родных, погибших в гетто и концлагерях. Так, Минна спаслась во время акции 7—9 ноября 1941 г., выпрыгнув из окна и на мгновение забыв о своих родных. В этот момент сработал инстинкт самосохранения. Поэтому нельзя осуждать такой поступок. Выжившие узники гетто ни в чем не виноваты. Они выжили благодаря цепи случайностей, в том числе благодаря собственной смелости и находчивости, а также помощи со стороны. Виновата нацистская система, а значит, люди (нелюди), создавшие ее и помогавшие ей. Именно эти нелюди превратили евреев в узников гетто. Автор книги «Не было ли это сном?» пишет, что ей «довелось стать героиней судьбоносных событий, бороться за свое существование. Сильное стремление жить поддерживало меня. В самые трудные минуты я не сломалась вопреки всему»⁷⁶.

М. Кантор пишет, что в ее воспоминаниях изложена только правда. Она написала книгу, чтобы оставить память о Катастрофе для будущих поколений: «Это мое желание»⁷⁷.

*

Каковы особенности воспоминаний Минны Кантор?

Автор книги лишь вскользь упоминает, что ее девичья фамилия Альперович. Упомянуты даже не все имена членов ее семьи. Кроме того, в Даугавпилском гетто находились другие родственники Минны. Это ее тетки Бася Грубина (урожд. Альперович, р. 1882), Этель Гольдина (урожд. Альперович, р. 1868), а также родственница, возможно, тоже тетка Стирна (урожд. Альперович). Все они погибли в гетто, однако о них в книге нет никаких сведений. Автор сосредоточилась только на своих эмоциях и переживаниях.

М. Кантор не пользовалась какими-либо документами. Они ей были недоступны. Воспоминания Минны — это подлинный документ личных переживаний, утрат, нечеловеческих страданий. Ее воспоминания естественны, они лишены «литературности». В этом их научное значение. Эмоциональный накал, драматизм событий не может оставить читателя равнодушным. Минна не вела никаких дневников в гетто и концлагерях. Это отличает ее работу от воспоминаний других бывших узников Даугавпилского гетто, таких как С. Ивенс⁷⁸ или Х. Курицкий.⁷⁹ В ее книге нет каких-то политических рассуждений: кто виноват, почему не эвакуировались, почему Катастрофа вообще имела место? Не упоминается и Бог, который должен был бы защитить евреев. Не задается вопрос, а где в это время был Бог, когда так страдал его народ. Минна не жалуется на собственную судьбу и трагическую судьбу еврейского народа. По мнению проф. И. Левина, по мере взросления автора меняется стиль изложения книги. Очень быстро потеряв родных, Минна становится «главой» остатков семьи Альперович. Она помогла отцу

выжить, и это изменило ее психологию наивной девушки. Минна не предстает перед нами борцом против нацизма. В книге нет моментов сопротивления в гетто и концлагерях. Минна, как и почти 6 млн евреев, была жертвой Катастрофы. Акт ее сопротивления — это воспоминания, которые сохраняют память о пережитом. И. Левин отмечает, что рассуждения М. Кантор по-детски наивны, непосредственны, т. е. реалистичны. В этом, на наш взгляд, и состоит уникальность ее воспоминаний.

Бывшая узница фактически рассказала только о своей трагедии, о трагедии семьи. В 70-страничном труде упоминается лишь ограниченное число фамилий. Очень редко встречаются точные даты тех или иных событий. Только об акции 7—9 ноября 1941 г. в Даугавпилском гетто сообщается точно. Возможно, потому что именно в эти дни девушка сумела покинуть

Минна Кантор

гетто, не попав на нацистскую гильотину. Вместе с тем события в Даугавпилском гетто перемежаются с событиями в Риге и концлагерях Польши и Германии. Однако все это никак не умаляет значение книги Минны Кантор «Не было ли это сном?» как важного документа, где правдиво описана Катастрофа еврейского народа.

Жизнь после Катастрофы. Минна и другие спасенные после освобождения были помещены в больницу. Здесь выжившие стали отходить от ужасов Катастрофы. Затем их перевели в лагерь, ранее принадлежавший гитлерюгенду⁸⁰. О них заботились сотрудники UNRA⁸¹. Минна с группой еврейских женщин с помощью солдат Еврейской бригады британской армии решила отправиться в Палестину⁸². Путь этот затянулся на два года. Британские власти были против намерения евреев уехать в подмандатную Палестину. М. Кантор добралась до Италии. Здесь она работала учительницей — преподавала иврит. По пути в Италию девушка случайно встретила брата Якова. Он воевал в Красной армии, затем вступил в польскую армию Андерса⁸³. После войны Яков приехал в Палестину. Минне с группой евреев нелегально удалось отплыть на судне из итальянского порта. Когда казалось, что им уже удастся добраться до Земли обетованной, англичане обнаружили судно. Девушка была поймана уже на берегу и отправлена на Кипр в лагерь для нелегалов. Спасло то, что Минна хорошо знала иврит. Англичане решили, что девушка до войны жила в Палестине. Так, в 1947 г. она сказала на Земле Израила. В середине 1950-х гг. Минна вышла замуж за Я. Кантора, в семье родились две дочери — Сарра и Яэль, ныне проживающие в Израиле. М. Кантор жила в г. Рамат-Ган, работала воспитательницей в детских садах. Сарра рассказала, что мама очень редко и очень мало рассказывала о Катастрофе. Но даже от этих редких рассказов матери ей было так страшно, что дочь никогда не читала книгу матери. Неужели это был только сон?

О книге

П. Френкель - Залцман «Записки узницы № 94771»

В 1949 г. в Монреале (Канада) была опубликована на идише книга Песи (Паулы, Пола) Залцман-Френкель (Фрейнкель) «Записки узницы № 94771»⁸⁴. Автор прошла мученический путь от ворот Даугавпилского гетто через концла-

геря Кайзервальд и Штутгоф и была освобождена в Быдгоще⁸⁵. Свои воспоминания она начала писать сразу после освобождения. Находясь в лагерной больнице для перемещенных лиц, П. Френкель-Залцман свои мемуары печатала на пишущей машинке латинскими буквами, так как не было машинки с клавиатурой на идише. Позднее текст был переписан в графике языка идиш.

Песя Френкель родилась 10 февраля 1907 г. в Двинске (ныне Даугавпилс). Ее родителями были Йосель Бер (1869, Ковно, умер в Даугавпилском гетто 23 февраля 1942 г.) и мать Гитель Френкель (урожд. Геллерман) (1874, Грива, убита в Даугавпилском гетто в 1941 г.). Они занимались торговлей. Семья проживала по ул. Лачплеша, 20. В семье родителей Песи было девять детей, и только один из братьев, Абрам, не был женат⁸⁶. У некоторых братьев и сестер Песи были дети. В 1938 г. она вышла замуж за Залцмана, взяв двойную фамилию Френкель-Залцман. Песя писала, что чувствовала себя счастливой.

Первые дни войны. 22 июня 1941 г. в 12 часов по радио было объявлено о нападении Германии на Советский Союз. Эта страшная новость застала П. Френкель-Залцман и ее мужа в ресторане. «Дрожь прошла через всех нас»⁸⁷. В первый же день войны город подвергся бомбежке: «Я уже видела, как падали бомбы»⁸⁸. Семья даже не пыталась бежать из города, так как старый и больной отец был прикован к постели. Ничего не изменилось в понедельник, 23 июня, и во вторник. Воздушные налеты продолжались. «Люди умирали на улицах»⁸⁹. Песя в эти дни продолжала работать бухгалтером на ликерном заводе (возможно, имеется в виду пивзавод). Бросить работу было нельзя, так как это рассматривалось как дезертирство и саботаж. Во вторник, 24 июня, по радио была объявлена мобилизация. Один из братьев Песи Абрам и ее муж начали готовиться к службе. Молодая женщина успокаивала мужа, представляя, что он будет офицером, а она — медсестрой. Казалось, что война будет недолгой, молодые вернуться домой «и мы будем счастливы»⁹⁰. Не менее наивными были представления другого брата — Мойши, который говорил, что не боится бомбежек: «Немецкие бомбардировки направлены только на военные объекты...»⁹¹

25 июня, в среду, в результате бомбежек в городе вспыхнули пожары. Парализованного отца пришлось перенести в подвал. Рано утром 26 июня, в 4 часа, Песя и ее муж выбрались из подвала. Они хотели понять, что происходит в городе. Советский солдат сказал им, чтобы они бежали, так как Гитлер обещал расправиться с евреями. Но как бросить больного отца? В этом хаосе уже не было речи ни о какой мобилизации. Тем более что днем появился немецкий патруль, бросивший гранаты в дома. Ветер раздувал пожары. «Когда я увидела город в огне, я подумала, что это как Помпеи...»⁹² На какое-то время молодые потеряли родителей.

Выбравшись из подвала, евреи неожиданно наткнулись на немецкого солдата: «Стой! Оставаться на месте!» Растерявшаяся Песя спросила у него, не видел ли он старика в кресле. Солдат неожиданно указал на церковь, где прятались евреи⁹³. Нашли родных, переночевали. Утром один из немецких солдат спокойно сказал, чтобы Песя забрала отца. Однако на улице семью ждал ужас: «Евреи! Коммунисты! Почему ты не поешь “Катюшу”?»⁹⁴ Как заметила П. Френкель-Залцман, «наша судьба была предрешена. Русские уже далеко, а немцы с их хорошими друзьями — латышами уже на работе: поджигали дома и избивали евреев»⁹⁵. Семья решила вновь перебраться в подвал. Но и там евреи были в опасности: «С ними в подвале были и латыши. Они начали шептаться между собой. Мы начали дрожать, потому что мы знали значение их шепота»⁹⁶. Решили

вернуться в родной дом. Но в городе действовал комендантский час, а потому появление на улице после 8 часов вечера каралось смертной казнью.

В субботу, 28 июня, «в гости» к евреям пожаловали немцы, стали кричать, что они коммунисты и поэтому их надо арестовать. Правда, солдаты оставили их в покое, так как соседка им объяснила, что они не коммунисты.

29 июня, в воскресенье, стало началом Катастрофы для евреев Даугавпилса. В десять часов утра мужчины от 18 до 60 лет должны были явиться на базарную площадь⁹⁷. На площадь ушли муж Песи и брат Абрам. Уходящим не смогли даже дать еды: в магазинах евреям не хотели продавать продукты. П. Френкель-Залцман описывает площадь одним предложением: «...она была заполнена евреями». Лишь в 5 часов пополудни последовала команда построиться по пять человек в ряд. Арестованных перенесли в тюрьму «Белый лебедь», где позднее часть из них была уничтожена. 30 июня Песе посчастливилось увидеть мужа, которого вместе с группой гнали на работу: «Он был такой растрепанный и грязный, что меня охватил страх. Я всегда буду помнить страшный вид моего мужа»⁹⁸.

Конечно, еврейские женщины еще не знали, какая судьба ждет их любимых. Выживших мужчин видели на уборке развалин, вывозке трупов погибших людей и павших лошадей. Распространялись самые невероятные слухи. И тогда Гитель, мать Песи, решила на храбрый поступок. Она обратилась к коменданту города⁹⁹. «Нацист вежливо пообещал ей, что как только евреи очистят город, ее дети вернутся домой». Появилась надежда. Однако больше Песя не видела ни мужа, ни брата — «он их освободил от жизни»¹⁰⁰.

В первые дни июля 1941 г. Песя устроилась на работу в прачечную. За эту работу она получала хлеб. Приказ о ношении желтых звезд она проигнорировала, что было смертельно опасно. С платком на голове и корзиной в руке еврейка пыталась стоять в очередях, чтобы что-то купить. Иногда хозяева магазинов жалели ее, так как она говорила, что хлеб нужен парализованному отцу. Однажды во время облавы Песя была арестована. Правда, удалось поговорить полицейских, что она знакома с неким высокопоставленным лицом в городской управе, который в любом случае освободит ее. О, чудо! Полиция освободила женщину.

7 июля в дом к евреям неожиданно явились пять нацистов и двое полицейских.¹⁰¹ Они закричали на отца Песи: «Убирайся, проклятый еврей!» «Один из убийц подошел к моему отцу и закричал ему в лицо: “Как много домов ты подожг?” — и ударил его пистолетом». Еще больше убийцы озверели, увидев на Песе красный пояс. Они были уверены, что эти евреи — коммунисты. Бедным евреям пришлось покинуть жилище, выйдя на улицу.

На улице Песя застала страшную картину: евреев выгоняли из домов, заставляя построиться в колонну по пять. «Крики командиров слышны, как удары: “Никто не смеет шагнуть на тротуар. Евреи должны работать и ходить по дороге, как собаки”». Попытка объяснить, что отец Песи не может ходить, ничего не дала, а только ухудшила положение несчастных. Потребовали, чтобы дочь с отцом поднялись на пятый этаж и вновь спустились вниз. При помощи красного «коммунистического» пояса удалось выполнить и это издевательство. «Его [отца] тащила, как тянут полный мешок»¹⁰². Один из полицейских пожалел несчастных, сказав, что они могут пойти в ближайшую синагогу.

Но даже переход через улицу был опасен. Люди кричали: «Скоро вы все будете расстреляны, как собаки. Вы все коммунисты!»¹⁰³ Наконец, добрались до синагоги Плановер¹⁰⁴. Эта синагога была хорошо известна Песе. Там молились

ее отец и муж. Автор воспоминаний отметила, что страдания отца были столь велики, а оскорбления столь ужасны, что она просила для отца смерти. Она же утверждает, что в синагоге находилось около пяти сотен евреев, ожидавших смерти¹⁰⁵. Люди были напуганы, некоторые из них — окровавленные, кто-то с детьми на руках. От отчаяния молодая женщина расплакалась. Удивительно, но подошел какой-то немец, сказав несчастной Песе, что он не имеет ничего против евреев. Правда, мать заметила, что она не доверяет немцам, так как ходят слухи, что евреев собираются сжечь. Около полуночи действительно вспыхнул пожар. Немец, который раньше разговаривал с Песей, тушил огонь. Он же посоветовал ей быстрее покинуть помещение.

Случайно на улице семья увидела знакомого русского мужчину, жителя Гривы¹⁰⁶. У него в доме еще до войны жили родственники Песи. Евреи обещали ему хорошо заплатить. Спаситель перевез евреев на телеге на Гриву. Конечно, это было небезопасно, так как евреев хватили на улицах и отправляли в тюрьму.

10 июля появился приказ, что все жители Гривы должны зарегистрироваться на работу. У П. Френкель-Залцман не было никаких документов. Гривская управа выделила работника, который вместе с Песей пошел в город за документами¹⁰⁷. Оказалось, что в родном доме уже находится какое-то учреждение: «Комнаты были прибраны очень хорошо... занавески на окнах, посуда на столе, картины на стенах — все как и должно быть. Только семейных фотографий не было»¹⁰⁸. Новых хозяев интересовало, как евреи оказались на Гриве. Песя объяснила, что они прятались там от бомбежек. Получив документ для регистрации, женщина была направлена на полевые работы.

Но и в эти дни семья испытала новое потрясение. Нагрянули немцы, велели всем раздеться догола, потребовав сдать украшения и деньги. Мать, Гитель, поступила мудро: предварительно зашила деньги в корсет, оставив кошелек лишь с небольшой суммой. Указав на большого мужа, сказала, что он самое большое ее богатство. Неожиданно немец, выбравший из кошелька 50 рублей, сжался и отдал их обратно, сказав, что на эти деньги можно было купить хлеба. Мать искренне радовалась, а вот Песя отметила: «Деньги меня больше не интересовали. Моя жизнь закончилась 29 июня 1941 г., когда мой муж и братья были доставлены в тюрьму. Деньги мне их не вернут»¹⁰⁹.

15 июля был отдан приказ, чтобы евреи пришили к одежде желтую пятиконечную звезду¹¹⁰. Обращает на себя внимание, что евреям следовало пришить пятиконечные, а не шестиконечные звезды. Видимо, местное начальство в духе нацистской пропаганды считало, что все евреи — коммунисты и комиссары. С большим трудом семья Френкель перегнала коляску с большим Иоселем Бером в предместное укрепление, где находилось гетто¹¹¹. Лишь позднее евреи должны были прикрепить шестиконечную звезду. А 25 июля, в субботу утром, всем евреям Гривы было приказано уйти в гетто.

Гетто. В первые дни гетто было переполнено. «Я бродила вокруг, как отравленная мышь»¹¹². Песя понимала, что только работа может спасти ее отца. Врачи Розенблом и Гуревич были согласны взять ее на работу медсестрой в больницу. Там же нашлось место для отца Песи. Больница находилась на втором этаже казармы, куда и поместили отца. Это было лучше, чем лежать на голой земле. Нацисты, по мнению автора воспоминаний, не должны были знать, что узники оборудовали больницу. Проблемой было достать хлеб или хоть немного супа для больных.

П. Френкель-Залцман пишет, что 27 июля доктор Гуревич и Яша Кройн¹¹³ сообщили, что немцы приказали перевести всех старых и больных в другой лагерь. Конечно, Песя и ее мать поняли, что без их сопровождения отец там не выживет. Уговорили Я. Кройна, чтобы Йоселя Бера Френкеля не включали в список смертников. «Вечером я подошла к окну и увидела пьяных латышей с дубинками в руках и ружьями. Они с дикими криками повезли в лес больных, старых и слепых. Доктор Гуревич пошел с ними. Увидев трагическую картину, я подумала, что мое сердце остановится»¹¹⁴. Ушли в вечность и родственники Песи Мендель Шнайдер со старшей дочерью Эддой. Чтобы успокоить оставшихся узников, в гетто стали распространяться слухи, что в новый лагерь отправили хлеб. Конечно, как заметила «узница № 94771», это был не более чем трюк. Люди могли думать, что в новом лагере хорошо, а потому, когда их вызовут, то не стоит отказываться. Конечно, некоторые узники стали предполагать что-то неладное, но, как пишет автор, «нам не давали шанса много думать»¹¹⁵. Во вторник вечером узники услышали крики евреев, которых гнали в гетто. Оказалось, в гетто пригнали людей из Вишек, Краславы, Индры, Ливан... Через три дня последовал новый обман — приказ новичкам зарегистрироваться, так как из-за большой скученности их переведут в другой лагерь. Обманутые ушли с надеждой на лучшее... но их встретили расстрельные ямы в Погулянке (Межциемсе)¹¹⁶. «Мы были охвачены ужасом и страхом. В этом страхе нам было позволено “жить” и ждать конца наших дней»¹¹⁷. Молодые женщины каждую ночь могли подвергнуться изнасилованию.

Песя продолжала работать в больнице, где находился отец, а для матери приспособили место в одной из бывших конюшен. Узнице запомнился день 7 августа 1941 г. Узникам разрешили искупаться в Даугаве¹¹⁸. «Немцы и латыши смеялись над нами, фотографировали нас...»¹¹⁹ Следующий день вновь принес смерть несчастным евреям. Во дворе гетто началась сортировка: рабочие отдельно — им жить, остальным — смерть. В этом страшном ужасе Песя неожиданно обратилась к главному убийце (?), с вопросом, куда ей, работающей в больнице, встать во время сортировки. Он был удивлен, что “*verfluchte Jude*”¹²⁰ имеет наглость приблизиться к нему, и угрожающе спросил: «Где здесь больница? В строй с рабочими!» А вот мать попала в строй не с рабочими, а с обреченными на смерть. Но произошло чудо: увидев уходящую обезумевшую мать, Песя обратилась к полицейскому с просьбой перевести мать в группу обреченных на жизнь. Главный, мол, сказал, что работающая может взять с собой мать. Так обеим женщинам удалось спастись.

Каждый день приходили страшные новости. То якобы нашли оружие в комнате № 23 (ее обитатели были расстреляны), то кто-то сообщил матери, что ее брат Ш. Геллерман из Эглайне был расстрелян¹²¹. «Смерть быстро приближается».

18 августа 1941 г. в три часа ночи узников вновь выгнали во двор. Им объявили, что их отправят в Нюрнберг. Вновь началась сортировка. Песя сказала, что работает в больнице, а мать с ней. Но на этот раз ничего не помогло. «Если это так, то я иду с моей матерью». Но мать стала умолять дочь: «Останься здесь с отцом, дитя мое. Я готова быть жертвой за тебя»¹²². Так мать была вырвана из рук дочери. Песя хотела дать уходящей матери кусок хлеба, но нацист крикнул, «что она будет иметь достаточно хлеба». Мать с улыбкой ушла. Издали Песя заметила, что она взяла за руки старого еврея — казалось, что она не видела, куда идти.

«Узница № 94771» горько оплакивала мать, ушедшую в «пасть смерти». «Мама двадцать лет заботилась о больном отце, подняла дом, сделала из нас людей, помогала в магазине»¹²³. Песя сказала отцу, что мать перевели в другой

лагерь, хотя сохранить тайну долго не удалось. В больнице свирепствовали брюшной тиф, дизентерия, больные страдали от вшей, нехватки лекарств. Медсестра обслуживала около 150 больных. Когда ночью больному становилось плохо, Песя была вынуждена искать врача среди спящих узников. Ночевать приходилось в больнице, так как оставлять парализованного отца было опасно. И, хотя существование больницы помогало людям, узница отметила: «Никогда не было в гетто ночи без смерти. Дети умирали больше, чем взрослые»¹²⁴.

Акция 7—10 ноября 1941 г. События этих дней П. Френкель-Защман называет горькими. Автор подробно описывает только то, что происходило в больнице. Обычно выбор дней для этой акции узники увязывали с советским праздником — годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Автор воспоминаний отмечает, что узники ждали этот день с великим страхом. В этот день, по ее мнению, возникали большие проблемы для евреев как в Германии, так и в оккупированных ею странах¹²⁵. В начале ноября юденрат (еврейский комитет) издал приказ, что узники должны сдать все ценности — золото, бриллианты, дорогие пальто, меха и т. д. В противном случае 300 узников будут повешены. Песя отдала обручальное кольцо и колечко, подаренное матерью на 20-летие. Все драгоценности были собраны в юденрате. Кроме того, в этот день нацисты и местные коллаборационисты строго проверяли документы. Владелец документа, удостоверяющего, что он является рабочим, был защищен¹²⁶. Обычно это были ремесленники, работавшие вне гетто. Знакомая предложила Песе перейти в казармы, где жили рабочие, а также изменить свои имя и фамилию. Возможно, удастся приписаться к кому-нибудь из обладателей спасительных бумаг. Однако вероятность обнаружения была тоже высока. Песя отказалась и вернулась в больницу. Несколько людей бросились к медсестре в надежде получить яд, чтобы не попасть в руки убийц. В этом ужасе узница побежала в юденрат в надежде получить документ для отца. Юденрат обещал выдать спасительный документ, так как знал о ее самоотверженной работе.

В пятницу, 9 ноября, разыгрался первый акт людоедской трагедии. Полицейские выгоняли людей из казарм, прятавшихся расстреливали на месте; та же участь ждала евреев, имевших поддельные документы. В поисках спасения обреченные бросились в больницу. Так Песя положила Зеликмана в одну кровать со своим отцом. Под ней спряталась Песя Трок. «На улице тем временем происходил дьявольский танец»¹²⁷. Прибывшие во главе с комендантом гетто начали выгонять больных во двор. Тех, кто не мог передвигаться самостоятельно, расстреливали на месте.

Убийцы, придя в больницу, зачитали список врачей и медсестер, которые могли продолжить работу. «Я стояла ошеломленная, смотрела и видела, как те, кто не в списке, готовились в последний путь. Вдруг, как будто во сне, я услышала свое имя»¹²⁸.

Второй день акции не принес ничего хорошего. Шальман, запыхавшись, прибежал в больницу, где лежала его жена, больная брюшным тифом. Он нырнул под кровать жены, и Песя закрыла его старыми вещами. Ворвавшиеся нацисты и местные полицаи заорали: “*Raus! Schnell!*”¹²⁹ Они сказали, что проверят список больных, и если найдут больше, то лишние будут тут же расстреляны¹³⁰. В этот момент в больнице находились 150 человек, в том числе дети. Один из полицейских сказал другому по-латышски, что больные будут погружены на машины и расстреляны. «Я была даже не в состоянии крикнуть им в лицо: “Нет, я не отдам

моего вам отца! Он заслуживает того, чтобы умереть естественной смертью!»¹³¹ Песе пришлось сказать отцу правду, что уже нет в живых матери, детей, ее мужа. Теперь убийцы пришли за одним из них. «Мой отец горько заплакал и прижал меня к себе. Мы поцеловались с мыслью, что сейчас прощаемся навсегда». Во время проверки Песя заглянула под кровать отца, делая вид, что помогает убийцам искать посторонних. Другая медсестра Брин (урожд. Лапидус) уверяла проверяющих, что все в порядке и в больнице посторонних нет. «Если мы говорим вам, что здесь на сто процентов все в порядке, вы должны нам верить»¹³². Неожиданно убийцы оставили больницу в покое. Полуживую Альперович удалось извлечь из-под перевернутой ванны.

А во дворе гетто разыгралась кровавая вакханалия: «Жертвы падали, как снопы. Крики и вопли дошли до небес, но на небе их никто слышал»¹³³. Выжившие потом говорили, что мертвым, может быть, лучше, чем живым.

Третий день акции, воскресенье 11 ноября 1941 г., Песя Френкель-Залцман называет днем заклания. Жажда еврейской крови не была удовлетворена. Гетто вновь было окружено. Медперсонал остался в больнице. Часть мужчин ушли на работу в город, а часть имевших удостоверения остались в тот день в гетто. Возможно, их не отправили на работу, так как это было воскресенье. Оставшиеся женщины, дети и мужчины были уведены в лес.

В трехдневной акции Песя потеряла 11 родственников. Сама узница и еще четверо из большой семьи остались живы.

Но для убийц уничтожения такого количества людей казалось мало. Местные полиция требовали от нацистов, чтобы все узники были уничтожены: ведь Гитлер обещал, что «евреев можно будет увидеть только в музее». Распространились даже страшные слухи, что новая бойня произойдет 20 ноября 1941 г. Но другой слух был ободряющим: мол, в Браславском гетто евреев не уничтожают¹³⁴ — надо бежать туда. Среди бежавших был и раввин Алтер Фукс¹³⁵. Комендант гетто, заметив исчезновение группы узников, отреагировал спокойно: «Бегите, бегите, но ваш побег напрасен. Вы будете пойманы там»¹³⁶. Песя не пыталась бежать, поскольку не могла оставить отца.

Зимой в гетто начался карантин и узники мучились от страшного голода. На неделю Песя получала килограмм хлеба да литр «супа» из гнилой капусты. Суп нельзя было подогреть, так как не было дров. Люди замерзали в своих постелях. Иногда удавалось вскипятить воду. Ее заливали в бутылки и подкладывали больным в постель. «Между тем голод съедал нас. Каждый день люди умирали от голода. Люди мерли как мухи. Мое сердце уже превратилось в камень при виде мертвых. Судьба гетто была предreshена. Мертвых даже не вывозили»¹³⁷. Когда женщина поняла, что она и отец умрут от голода, то отдала браслет с драгоценностями Покерману¹³⁸. Ему удалось в городе поменять его на хлеб и кусок масла. Голода и холода не избежал даже директор больницы доктор Дамье. Директором больницы стал доктор Розенблюм.

23 февраля 1942 г. умер отец Песи — Иосель Бер Френкель. Врачи даже поздравили дочь с «удачей», ведь «отец умер естественной смертью». Отцу был 71 год. Из восьми детей семьи Френкель осталась одна Песя: «Я осталась как сломанная ветка от большого прекрасного дерева»¹³⁹.

После смерти отца комендант гетто направил Песю в город на работу в одной из мастерских¹⁴⁰. Там на улице, недалеко от еврейской больницы, трудились 40 евреев. Через восемь месяцев после начала войны женщина вновь прошла по тем

местам, «где я провела три счастливых года с моим мужем». Она вспоминала зал Гафановича, где проходила ее свадьба, «где моя жизнь начала расцветать... а сейчас я, как во сне, — одинокий, измученный, потерянный человек». Теперь здесь жили, как она пишет «бандиты».

В мастерской Песя работала уборщицей и прачкой.

Пасха в гетто. Весной 1942 г. узники впервые встречали Пасху не у родных очагов. Конечно, все вспоминали свои дома, где «все сверкало традициями и теплотой *идишкэйт*»¹⁴¹. Но даже в таких условиях группа религиозных евреев решила испечь мацу. Этим занялись Юджович и Эллерин¹⁴². Им помогали несколько женщин, в том числе и Песя. Достали несколько килограммов муки. В гараже, где работали евреи, была устроена печь. Мацу пекли ночью. Затем кусочки мацы раздали узникам гетто. Некоторые узники в пасхальные дни не ели *халец*¹⁴³. При этом они шутили, что есть было нечего, а потому соблюдать кашрут¹⁴⁴ было легко. Другие соблюдали кашрут в память о погибших родных.

Акция 1 мая 1942 г. Этот черный день был фактически днем ликвидации гетто. За несколько дней до кровавой пятницы 1 мая в гетто распространились различные ужасные слухи. Новые власти, сочтя всех евреев коммунистами, могли отомстить им именно в этот праздничный день. Местные полицаи шутили, что ямы для евреев уже вырыты. В предместном укреплении оставалось более 450 евреев, примерно столько же трудилось в городских мастерских. Беспокойство вызвало известие, что руководитель «команды 322» немец Конрад Люкенвальд в конце апреля 1942 г. прислал коменданту гетто список 200 евреев, которые работали в его команде. Более того, К. Люкенвальд сообщил, что «его евреи» могут приписать к себе родных. Все они будут работать в Даугавпилсской крепости. Узников удивило, что за день до 1 мая они были доставлены в городскую баню. По мнению П. Френкель-Залцман, убийцы «не хотели касаться мертвых вшивых евреев». В беспощадной первомайской акции в предместном укреплении были убиты около 500 человек. Автора воспоминаний в этот день не было в гетто. Она находилась в одной из мастерских в городе.

Юденрат, полиция, больница. Автор воспоминаний не рассказывает об учреждениях гетто, но приводит список их членов. Для управления гетто был создан юденрат (еврейский комитет). Его председателем был назначен инженер Мовша Мовшензон (02.10.1905—01.05.1942, расстрелян). По мнению «узницы № 94771», членами юденрата были торговец мебелью Берл Рапорт (23.05.1875—?), владелец магазина скобяных изделий Яков Кройн (11.07.1906—?), Ф. Эдельштейн и доктор Гириш Данеман (09.03.1897—?). Юденрат полностью подчинялся коменданту гетто. Никому из членов комитета не удалось выжить.

Существовала и «еврейская милиция» (полиция), члены которой носили желтые повязки, но они не были вооружены. Руководителем милиции был краславчанин Пастернак¹⁴⁵. Почему выбор пал на этого человека? Можно предположить, что поскольку большинство узников гетто были даугавпилчанами, то «главный милиционер» их лично не знал. Поэтому в случае акций против соплеменников он бы не испытывал угрызений совести. Роль милиции в гетто была, видимо, невелика, так как узники в своих воспоминаниях редко упоминают ее деятельность.

Обычно Пастернак упоминается в связи с повешением Минны Гительсон. Это была молодая красивая женщина. Ее отец был владельцем небольшой обувной фабрики. Она училась в Юрьевском (Тартуском) университете, в 1938 г. вышла замуж. В 1941 г. Минна оказалась в гетто. Ее муж был расстрелян в

Железнодорожном садике за тюрьмой. На работу Минна была направлена в ресторан «Континенталь». Казнь М. Гительсон связывают с каким-то мелким «нарушением». Она якобы передала одному из работников ресторана письмо, в котором сообщалось о незаконном присвоении нацистской собственности. Работник сообщил полиции, и М. Гительсон должна была быть повешена на площади в гетто. Эту горькую обязанность обязан был исполнить Пастернак. П. Френкель-Залцман характеризует Пастернака, отца пятерых детей, «как хорошего человека, никто никогда не слышал от него плохого слова»¹⁴⁶. Узница отмечает, что Пастернак стал милиционером, поскольку, как и другие узники, не имел выбора, но исполнил приказ о повешении М. Гительсон «с таким печальным выражением лица, что за него больно»¹⁴⁷. В момент повешения несчастный Пастернак, задыхаясь, закричал: «Ой, если я выживу, то мои дети всегда будут обвинять меня, что я повесил еврейскую женщину»¹⁴⁸. Как отметила автор воспоминаний, этот случай всегда будет на его совести, как черная туча. На Песю, как на других узников гетто, повешенная женщина в черном пальто, в шляпе и высоких сапогах производила страшное и гнетущее впечатление: «Я никогда не забуду этот образ»¹⁴⁹.

Работая в больнице, Песя хорошо запомнила своих коллег. Она составила список медицинских работников, которые работали в больнице, с указанием их специальности. Это были гинеколог Хнох, хирург Дамье и его жена невропатолог Дамье, гинеколог Донеман, терапевт Вовси, терапевт Розенблюм, дерматолог Б. Вовси, хирург Ландау, глазной врач Кройн (урожд. Фейн, из Лиепаи) а также врачи Бейлинсон, Сигал, Бочиани (?)¹⁵⁰. Стоматологами были Силин, Королева, Мюллер, Презмо, Хачиянц (жена доктора Хачиянца), медсестры Бейлинсон, Толти (?), Фонарева, Т. Гурвич (акушерка), П. Френкель-Залцман.¹⁵¹ Фармацевтом был Эли Вовси¹⁵². Ландау заведовала мастерской по пошиву одежды, кухней — Рапопорт, складом, где выдавали хлеб, — Ландберг, канцелярскими делами — Левина. В похоронном обществе трудились Нахум Оплер и Стрикович. Практически никто из них не выжил.

Жизнь в крепости. После 1 мая 1942 г. 487 человек из гетто были переведены в Даугавпилскую крепость — «малое гетто». 15 июня 1942 г. неожиданно сменилось немецкое руководство «малым гетто». «Главным офицером» стал грубый нацист из Мюнхена. Мужчины кололи дрова, женщины стирали и мыли полы. Питались остатками из немецкой кухни. Страшным днем для узников представлено 26 июня 1942 г. Год тому назад в этот день город был захвачен нацистской армией. По воспоминаниям П. Френкель-Залцман, латышские полицейские требовали уничтожить евреев. Так они хотели отметить юбилей «осовобождения» Даугавпилса. Однако никаких акций в тот день не произошло. Желание полицаяв окончательно истребить евреев — свидетелей их коллективного преступления — понятно. Разумеется, для уничтожения такого количества людей нужен был приказ немецкого командования. Однако евреи приносили пользу нацистам. О своих переживаниях автор пишет: «Вся семья будет стерта с лица земли — семья, которая когда-то, как дерево, имело корни, ветви, сучья»¹⁵³. Евреи были благодарны К. Люкенвальду, что он спас часть узников от смерти: выжившие дали ему материал на пальто, пару кожаных перчаток, какие-то шелковые ткани, еще чудом сохранившиеся у них.

Около 100 человек поселили на ул. Ригас, 42, на втором этаже, где раньше был свадебный зал Гафановича. В крепости работали более 300 евреев: 200 чело-

век в команде № 322. Из них примерно 55 узников чинили обувь, одежду, некоторые работали в саду. 60 человек были заняты на строительстве. Около 120 человек, в основном женщины, работали в других командах. Через женские руки проходила окровавленная одежда немецких солдат, присланная с фронта. Вид простреленной одежды вызывал у узниц естественную радость: каждый выстрел приближал поражение врага.

Песя оказалась в группе из 120 евреев, среди которых были портные, сапожники, шорники. Портные, починив одежду, отправляли ее в прачечную, которая находилась недалеко от еврейского кладбища. Шорники шили седла и упряжь для лошадей. Песя записалась швеей, хотя по профессии была медсестрой, объяснив, что любая женщина всегда владеет этими двумя специальностями. Но вид и особенно запах окровавленной одежды был для узниц невыносим, однако пришлось привыкнуть. Правда, спустя несколько дней Песя получила другую работу.

По вечерам большинство узников возвращались в крепость. Они хорошо пели, играли на гитаре, и те сердечные мелодии просыпались в узниках воспоминаниями...¹⁵⁴

Однажды К. Люкенвальд обратился к Песе как медсестре за помощью. Видимо, начальник команды № 322 страдал какой-то кожной болезнью. С помощью доктора Бориса Семеновича Вовси и находчивости медсестры немца удалось вылечить.

Позднее, 23 февраля 1943 г., К. Люкенвальд разрешил узнице в сопровождении солдата посетить могилу отца, которая находилась в предместном укреплении. Как-то Люкенвальд показал Песе какую-то немецкую газету. Там сообщалось о боевых действиях в Северной Африке¹⁵⁵. Видимо, он понимал, что война может быть проиграна.

Возможно, К. Люкенвальд в какой-то мере сочувствовал несчастным. Однажды в городе была поймана Берта Бергер¹⁵⁶. Эта девушка оказалась без документов. Мало того, при ней были обнаружены двое золотых часов, бутылка виски и меховая куртка, которую обычно носили немецкие летчики. Работавшие вместе с Б. Бергер были уверены, что репрессии коснутся не только укравшей, но и их тоже. Б. Бергер оказалась в тюрьме, но не была расстреляна. Мать девушки передала Люкенвальду дорогое кольцо. На краже мыла попался и старый Эллерин¹⁵⁷. За это он получил 25 ударов плеткой.

Однажды К. Люкенвальд потребовал от Песи остаться с ним на ночь. Женщина отказалась. Немецкий офицер приказал ей немедленно покинуть крепость и перейти в одну из городских мастерских. Спустя несколько дней ей дали другую работу, а именно: подсчитывать количество выстиранных вещей. Так П. Френкель-Залцман оказалась в городе. Конечно, остальные женщины из рабочей команды заволновались: вдруг Люкенвальд отправил ее из крепости, так как завтра здесь готовится акция? Но никакой акции не последовало. Конечно, К. Люкенвальд стал понимать, что может прийти возмездие. В тоже время не стоит его идеализировать. «Люкенвальд и его заместитель Фриц Штельтер показали, как в упаковку вместо десяти вещей можно положить пять. И эти вещи узники меняли на продукты питания. Местом торговли был клозет. За это Люкенвальд и его Фриц Штельтер могли сходу пойти на виселицу! Они помогали людям не за деньги»¹⁵⁸. Сомнительно, чтобы военнослужащие немецкой армии показывали узникам, как надо воровать. Другое дело, что эти немцы

закрывали глаза на воровство евреев. Ф. Штельтер действительно неоднократно помогал узникам гетто¹⁵⁹.

Летом 1943 г. узники стали понимать, что в крепости их долго не оставят. Циркулировали различные слухи. Одним казалось, что их уничтожат. Другие говорили о каком-то концлагере в Риге. Но всем было понятно, что «это не обойдется без жертв». Каждый начал искать «укрытие». Причем все скрывали от других «место спасения». «Мы очень хорошо знали, что не могли бы выжить очень долго в такой холод в разрушенных подвалах, без окон и дверей. А самое главное — без еды. Мы отчаянно не хотели попасть в руки убийц, мы хватались за соломинку»¹⁶⁰. У Песи не было подготовленного убежища. Но неожиданно доктор Борис Вовси со своей женой сообщили узнице, что у них есть «убежище», где и ей будет место. Оказалось, что «убежище» находилось в сгоревшем доме, принадлежавшем родителям Майи Зарх¹⁶¹.

Однажды в конце лета 1943 г. в крепость прибыло много вагонов — больше, чем обычно, с вещами с фронта. Это косвенно указывало, что дела у немцев плохи. В крепости находилось несколько складов с солдатским обмундированием, которое чинили или изготавливали узники.

Запомнился узнице и неожиданно вспыхнувший на складах пожар¹⁶². Конечно, солдаты заставили узников его тушить. Евреи оказались в двусмысленной ситуации: с одной стороны, они радовались пожару у врагов, с другой — узники могли потерять свои рабочие места, а это неминуемо означал расстрел; в-третьих, боялись, что поджигатели будут найдены, а пострадают все евреи. Под присмотром солдат узники спасали еще уцелевшие вещи. Распространились слухи, что ответственная за склады Гинда Муравина якобы курила в них. Но ничего не было доказано, а К. Люкенвальда в очередной раз удалось подкупить.

Последний день в гетто. 25 октября 1943 г. В этот день последовал приказ о переводе последних узников гетто. Узники, имевшие печальный опыт, восприняли перевод как приказ уничтожить их. Началась паника, некоторые евреи решили покончить жизнь самоубийством. Вот как автор «Записок узницы № 94771» описывает один из трагических моментов этого дня: «Я все-таки смогла попрощаться с доктором Гольдманом и его сестрой. Они целовали меня с ядом во рту и с резаными венами. Я видела их испускающими последний вздох. Бенце Шафир спустился по лестнице с пистолетом в руке. Он застрелил свою жену и сына, а также какую-то 17-летнюю девушку, просившую убить ее. Доктор Розенблюм со своей женой и дочерью Марой спустились вниз по лестнице. Они вряд ли могут идти, потому что уже ввели себе морфин. Шура Алескин повесился в туалете»¹⁶³.

Необычно и трагически сложилась в этот день судьба врача-дерматолога Б. Вовси. Его вызвали и сообщили, что он остается в крепости, а семья должна отправиться вместе с другими. «Он опустился на колени и начал раздавать яд, который приготовил для себя и семьи. Он раздавал его так, как раздают драгоценный торт. Люди толкались, потому что могло не хватить на каждого. Он разрывал каждый пакетик на пять частей. Я тоже получила подарок. Доктор Вовси поцеловал всех нас и сказал нам, чтобы приняли яд, когда мы будем на краю ямы...»¹⁶⁴ П. Френкель-Зальцман замечает: «Для нас такие сцены кажутся вполне “естественными”... но эту “естественность” невозможно описать»¹⁶⁵. Ландау (урожд. Курянская) спряталась. Но полицейский нашел ее и забил до смерти. Юдель Муниц пытался бежать, но за ним погнался полицейский, и мальчик был

убит¹⁶⁶. Этот день оказался последним для 15 евреев. Несколько евреев успели в суматохе бежать¹⁶⁷. Однако большая часть узников была доставлена на товарную станцию Гаёк и погружена в товарные вагоны. Состав пошел в сторону Риги. Люди волновались. Куда? В Погулянку (Междиемс), где земля залита кровью¹⁶⁸. Но поезд миновал это проклятое для евреев место.

Узникам казалось, что этот состав смерти везет их к расстрельным рвам. Ш. Фейгин принял яд, но, видимо, количество отравы было малым¹⁶⁹. Он пытался повеситься, но друзья по несчастью сняли его с веревки. «Он хотел умереть и был в ярости, потому что не мог умереть. Глядя на его лицо, его странные глаза и его дикое поведение, мы все истерично кричали»¹⁷⁰. Наконец пришел охранник и убил его. Два других еврея, один из них Рицца, привязали веревку к потолку вагона, чтобы повеситься. Сестры Лия и Циля Медниковы мучились от недостаточного количества яда¹⁷¹. Только Ната Адельсберг умоляла евреев не кончать жизнь самоубийством, так как живым было тяжело это видеть¹⁷².

Два дня пути без еды и питья усугубили страдания мучеников. На третий день они были доставлены на станцию Шкиротава в Риге. 30 октября 1943 г. в 5 часов утра поезд остановился. В вагон вошел эсэсовец и, приказав всем выйти, спросил: «А где же ваши сумки?» Песя ответила, что перед смертью ничего не надо. Однако нацист ответил, что они не будут убиты. Более того, они получат хлеб и кофе. Позднее узница узнала, что этим офицером был Рошман¹⁷³.

В Риге даугавпилсские узники впервые увидели немецких евреев. Местные евреи считали, что их уничтожают, чтобы освободить места для немецких соплеменников.

В Рижском гетто Песя встретила своего брата Арона. «Я не узнала своего брата. Это был скелет. Он выглядел, как старый еврей, и казался таким жалким, что разбил мне сердце»¹⁷⁴. Началась регистрация. Песя зарегистрировалась как дочь супругов Розенблюм. Сказывался горький социальный опыт пребывания в гетто. Семья ремесленников и врачей имели больше шансов выжить. Наконец, узников привели в концлагерь Кайзервальд.

К а й з е р в а л ь д. В этом концлагере несчастных постригли, отправили под душ и выдали старую порванную одежду, специально не соответствующую по размеру. Бараки были переполнены людьми, которых ели вши. Новоприбывшим присвоили номера. Так, Песя Френкель-Зальцман получила номер 9295. Каждый день узниц отправляли на различные тяжелые работы: уборку каких-то помещений, укладку рельсов, строительство насыпей для грузовых автомобилей для переезда через рельсы. Морозы зимой 1943/44 г. добывали последних узников. Порвались ботинки — пришлось носить чужие, тех людей, которые были больны тифом. Рваные ботинки удалось перебросить через проволоку на мужскую половину и таким же образом получить их обратно отремонтированными сапожником Яшей Магидом.

Мучили не только холод, вши и тяжелейшая работа, но и голод.

С большой теплотой автор описывает своих подруг. Особо отмечает 13-летнюю Майю Зарх, называя ее Майечкой, которая принесла несколько картофелин величиной с горошину, покрытых снегом¹⁷⁵. Но и эта скудная пища не давала возможности заснуть. Спасали также картофельные очистки. Однако воровство отходов, предназначенных для свиней, было опасным преступлением.

Однажды, замерзающая и обессилившая, Песя, роя борозды для рельсов, расплакалась. Какой-то немец сжалился над несчастной женщиной. Песя и еще

несколько мужчин и женщин был переведены на другую, более легкую работу. «По сравнению с адом Кайзервальда работа в бараке по сборке электрических приборов была Эдемом»¹⁷⁶.

Зимой 1944 г. узникам объявили, что желающих могут отправить в Эстонию. Группа бывших узниц Даугавпилсского гетто отправилась туда.

2 февраля 1944 г. «узница № 9295» и другие женщины были отправлены на завод *АЕG*¹⁷⁷. Проработав три месяца, Песя была назначена переводчиком, поскольку здесь были работницы из Литвы, Германии, Польши. По воскресеньям у узников был выходной, и они собирались вместе и пели песни. За незначительные провинности Песя несколько раз была избита. Однажды охранник сказал ей, что положение заключенных может скоро измениться, так как «русские уже в Двинске»¹⁷⁸. Однако поражение нацистской армии не остановило конвейер уничтожения евреев: еще «200 женщин были отравлены в пасть смерти»¹⁷⁹.

6 июля 1944 г. узницы были пострижены наголо. Когда несчастные женщины шли на работу, то жители Риги, увидев их, смеялись, так как «мы смотрелись, как пациенты в психиатрической больнице»¹⁸⁰. Вид остриженных наголо женщин был настолько страшен, что их обязали повязать платки. Женщин, ходивших без платка, сурово наказывали¹⁸¹. Позднее, как сообщает узница, стало известно, что волосы используются для военных нужд. С приближением Красной армии к Риге возрастало волнение узников. В день, когда была освобождена Елгава, в лагере Стразденгоф были убиты все евреи¹⁸². Конечно, нацисты и местные коллаборационисты хотели, чтобы евреи были уничтожены — свидетели преступлений им были не нужны.

Ригу начали бомбить. В городе появились беженцы из Эстонии. Люди, сотрудничавшие с нацистами, бежали в Германию. 25 сентября 1944 г. был издан приказ о том, что евреи будут немедленно вывезены в Германию. Людей перегнали в порт и погрузили на грузовые суда. Женщины оказались на нижней палубе, где лежал песок. Суда, переполненные евреями, бомбили советские самолеты, узниц мучила морская качка. Ни пить, ни есть не давали. «Они топят нас», — кричали узницы¹⁸³. Оказалось, что матросы плохо задраили один из люков. Настроение и состояние евреев было такое, что они даже решили не поститься в Судный день. Через пять дней судно достигло Данцига (ныне Гданьск в Польше), а затем часть узников перегнали в концлагерь Штутгоф.

Штутгоф — Торунь — Быдгощ. Штутгоф встретил узников дымом, идущим из печей. Крематорий работал без выходных, и «ветер разносил запах горелой человеческой плоти». В октябре 1944 г. около 350 женщин были отправлены в Торунь¹⁸⁴. Несчастные были погружены в товарные вагоны, в которых им пришлось ехать стоя два дня без воды и пищи. После такой поездки пришлось пройти пешком 10 км, достигнув Торуньского лагеря. Охранниками были как немцы, так и латыши, известные еще по Риге.

17 и 18 января 1945 г. Красная армия освободила Варшаву и Лодзь от немецких войск. 20 января 1945 г. узницам сообщили, что их переводят в другой лагерь. Умиравших погнали на запад. Ветер, холод, голод, удары конвоиров добивали узниц. Наконец, они достигли Бромберга (ныне Быдгощ в Польше). Песя настолько ослабла, что, когда ей сунули в рот кусок мерзлого хлеба, она не могла его проглотить.

Вокруг царил хаос, часть охранников разбежались. Местное население говорило по-польски. Невозможно было понять, в какой стороне находилась Красная армия. Трудно было определить, в распоряжении кого находятся узники: то ли

СС, то ли армейского командования, а может быть, немецкой полиции. Самым страшным было попасть под начало СС — в живых они никого не оставляли.

Пять женщин, в том числе и Песя, сумели спрятаться. С приближением освободителей стало меняться отношение местных жителей и охранников. Они стали добрее, даже замечали евреев. «В подвале мы обнаружили целые семьи немцев и поляков с младенцами, сумками... Как только они увидели нас, то пришли к нам со всех сторон с пищей... Но каждый кусок хлеба и колбасы горел в наших пальцах. Шесть лет они купались в крови и наших страданиях...»¹⁸⁵ Наконец, город был освобожден от немецкой армии. Это было 25 января 1945 г.

«Моей первой мыслью было: это я? Мы действительно свободны? Нет больше № 94771? Кто же защищал нас в эти последние пять дней, а на самом деле все это время — Бог? Есть ли еще Бог в мире? Если это так, почему же Он позволил нам так страдать и быть убитыми? Почему чудо свершилось сейчас? И я буду жить, чтобы рассказать все, что я пережила»¹⁸⁶.

Польские женщины и какой-то немец принесли еду. А красноармейцы сказали бывшим узникам, что они могут пойти и ограбить немецкие дома, как когда-то были ограблены мы. Конечно, хотелось взять «реванш». Но евреи были настолько измучены, что были не в состоянии что-либо предпринять. «Но мое сердце кричит: “С кем я свободна? В полном одиночестве. Куда мне теперь идти? Вернуться в кровавые земли? Ни в коем случае! Оставаться здесь в чужой стране, без языка, без чувства принадлежности? Как я смогу жить здесь совсем одна? И почему мой Бог выбрал из всей моей семьи именно меня?” Это была действительно свобода, но она была трудной и горькой»¹⁸⁷.

Бывшая «узница № 94771» написала: «Свобода пришла именно тогда, когда смерть была так близко! Знаете ли вы, что означает свобода после стольких страданий? Кто может описать это в письменной форме, эти первые чувства освобождения? Тот, кто пережил все это, — только такой человек может понять слово “свобода”»¹⁸⁸.

Свободу Песе Френкель-Залцман принесла Красная армия. Казалось, что именно ей она должна быть благодарна до конца жизни. Однако совершенно неожиданно, во всяком случае, для автора этих строк, она пишет, что «настоящее время не намного лучше, чем при немцах»¹⁸⁹. Видимо, бывшая узница быстро столкнулась с тоталитарным режимом, где «все должно зависеть от других». Оказывается, «для желанной свободы требуется еще одна борьба»¹⁹⁰. В конце концов бывшая двинчанка сумела покинуть советскую зону оккупации и оказалась в западной зоне. Она не собиралась возвращаться в родной город и тем более «оставаться на пропитанной кровью земле, где столько страдала»¹⁹¹. Она сумела перебраться в Германию и поселилась в лагере Фернвальд близ Мюнхена¹⁹². В лагере она заболела. Сказались последствия четырехлетних страданий. После выздоровления Песя начала писать... Видимо, в конце 1948 г. она навсегда покинула, как она пишет, «чертову землю» и переехала к сестре в Канаду. Здесь летом 1949 г. были завершены «Записки узницы № 94771».

*

Что нового дало изучение «Записок узницы № 94771»? Чем они отличаются от других воспоминаний бывших узников Даугавпилсского гетто?

Фактически каждый еврей, где бы он ни жил, пострадал или страдает от Катастрофы и ее последствий. Эти воспоминания были написаны по горячим

следам женщиной, пережившей Катастрофу, в которой погибли ее родные и друзья. Переводчики «Записок узницы № 94771» на английский язык в предисловии к книге указывают, что автору «необходимо было найти необычные литературные формы для выражения нечеловеческих страданий. Любая книга, правдиво рассказывающая о Катастрофе, является частью художественного мемориала. Этот мемориал, созданный страданиями людей, обвиняет не только нацистов и их пособников, но и все человечество. Ведь большая часть человечества достаточно хладнокровно наблюдала за Катастрофой. Но писать и исследовать Катастрофу нужно не с целью отмщения, а чтобы такие трагедии более не повторялись»¹⁹³. Любое воспоминание бывшего узника — это и форма борьбы против нацизма. Это роднит эту книгу с книгой Минны Кантор «Не было ли это сном?».

Песя Френкель-Залцман, как и Минна Кантор, решила описать пережитое, чтобы сохранить память. В первую очередь воспоминания «узницы № 94771» были предназначены для родных, живших в Канаде. С рукописью познакомилась еврейская община Монреаля, а также выжившие в Катастрофе латвийские евреи, нашедшие новый дом в этом городе. Стало ясно, что воспоминания выходят далеко за рамки семейной хроники. Эти мемуары отражают путь и страдания не только одной узницы гетто. Как и воспоминания М. Кантор, «Записки узницы № 94771» охватывают судьбу только части ее семьи. Практически ничего не говорится о родных братьях и сестрах (их было восемь). Она даже не упоминает их имена. Ее беспокоит лишь судьба брата Арона, попавшего в гетто, а позднее в Ригу, и еще упоминается брат Мойше, который не успел бежать.

Автор записок очень мало уделила внимания довоенной жизни. Сообщается лишь, что была замужем, но так и не указала имя мужа, а также имена всех братьев и сестер. Главное для П. Френкель-Залцман — это события в гетто, ее восприятие Катастрофы. Довоенные взгляды 34-летней женщины и ее брата поражают своей наивностью. Брат уверен, что нацистская армия будет бомбить только военные объекты. А Песя считает, что война будет недолгой: муж будет служить офицером, а она — медсестрой. Ни о каких потерях, тем более о смерти, не может быть и речи.

Первые дни войны семья автора сосредоточена только на спасении больного отца. Но уже в эти дни стали меняться представления женщины о войне, соседях, оккупантах. Оккупанты бомбили город, не разбирая, где военные объекты, а где гражданские. Горожане тут же обвиняли евреев, считая их коммунистами. Евреи — это абсолютное зло и должны быть уничтожены. Тем более, что они должны носить пятиконечные звезды. Как правило, историки связывают ненависть местного населения к евреям с антисемитской пропагандой нацистов¹⁹⁴. Но в первые дни оккупации такая пропаганда еще не велась. Поэтому антисемитизм местных жителей можно объяснить антисемитизмом, заложенным еще в предвоенные годы. Отношение местных жителей она называет зверским. Лишь несколько позднее нацистская пропаганда умело использовала также депортацию 14 июня 1941 г., обвинив во всем евреев и коммунистов. Национальность соседей, которые отрицательно относились к евреям, а также полицейских она определяет одним словом — «латыши». Вместе с тем в многонациональном городе среди людей, преследовавших евреев, как правило, были люди разных национальностей. П. Френкель-Залцман называет местных коллаборационистов «бандитами». Можно, конечно, понять узников гетто, испытывавших неопишуемые страдания от своих мучителей.

Вместе с тем автор воспоминаний отмечает, что не все были врагами евреев. При этом как местные полицейские, так и немцы вели себя по-разному. Знакомый Шалыгин приютил семью Френкель-Залцман на Гриве. Маня Пархомович и ее муж помогли с едой. Узница упоминает также случаи сочувствия и помощи гонимым со стороны оккупантов. Немецкий солдат указывает ей, где находится ее отец. Другой солдат говорит, что он ничего не имеет против евреев, пытается потушить пожар, вспыхнувший в синагоге. Третий, видя отчаянное положение еврейской семьи, отдал матери Песи обратно ее 50 рублей на хлеб.

После 1 мая 1942 г. узники находились в крепости. Здесь их существование было гораздо лучше во многом благодаря Конраду Люкенвальду и Фрицу Штельтеру. Эти немцы сочувствовали евреям, и это дало возможность подавляющему большинству из них выжить.

Пусть это отдельные эпизоды, но находились люди, помогавшие евреям. Даже на заводе *АEG* один из младших офицеров успокаивал узниц, убеждая их, что они не будут расстреляны. Бывшая домработница семьи Френкель, которая видела расстрел евреев в Железнодорожном садике, поставила свечи в память невинно убиенных. Эта же польская женщина отмечала, что некоторые равнодушно, а другие с радостью воспринимали еврейскую трагедию. Не раз в «Записках» противопоставляется жизнь евреев и неевреев. Автор отметила, что «то же самое солнце заволокло на нашей стороне, в то время как на другой оно сияло»¹⁹⁵. Не зря в гетто родилась песня: «Для некоторых — площади и бульвары, для нас — такие кварталы...»¹⁹⁶.

Описание главных акций в гетто различно. Если акция не коснулась семьи Песи или она не была ее свидетелем, то описание очень краткое. При этом присутствуют эмоции: страх и ужас. Во время акции 7 августа 1941 г. узнице удалось спасти мать благодаря незнакомому полицейскому, однако отчаянная попытка спасти ее 18 августа оказалась неудачной.

Важным в воспоминаниях П. Френкель-Залцман является то, что она дает список работников больницы, а также перечисляет их специальности. Медсестра Песя находится в эпицентре событий, происходящих в больнице. Она заботится о своем отце, других больных. Больница становится не только местом лечения. Здесь прячутся узники, избегая смертельной опасности. Но каждый день здесь кто-то умирает.

Впервые автор описывает кровавую акцию 7—10 ноября 1941 г. глазами медсестры, находившейся в больнице. Обычно узники, рассказывая об этой акции, не очень представляли себе, что происходило в больнице. С большой силой и правдивостью П. Френкель-Залцман показывает ужас и приближение смерти для одних и кровожадность других. Удивительно, что во время акции один из ее руководителей даже не знал, что в гетто существует больница. Возможно, немецкий офицер постоянно находился в городе, а в гетто прибыл для организации акции.

В ряде эпизодов показано восприятие смерти узниками. Конечно, даже в нечеловеческих, адских условиях умирать не хотел никто. Если уж умирать, то естественной смертью, но не быть убитым «бандитами». Причины поведения убийц и их отношение к евреям автор записок объясняет тем, что они были рабами прибалтийских немцев. Рабы продемонстрировали свою «власть», которую им предоставили хозяева¹⁹⁷.

Гораздо меньше П. Френкель-Залцман уделяет внимания членам юденрата, еврейской полиции. Видимо, они не сыграли большой роли в ее жизни. Следует иметь в виду, что члены юденрата жили обособленно и их положение несколько отличалось от существования других узников.

В воспоминаниях автора практически отсутствуют эпизоды сопротивления в гетто. К таковым можно отнести лишь выпечку мацы, соблюдение религиозных праздников, молитвы.

С необыкновенным трагизмом автор «Записок» описывает 25 октября 1943 г. — последний день существования гетто. Люди пытаются умереть, но только не от рук убийц. И хотя верующий еврей не должен кончать жизнь самоубийством, на этот раз забыты религиозные предписания. Доктор Вовси раздает желающим узникам смертельный подарок — яд. Для евреев самоубийство — это своего рода последняя попытка сопротивления, борьба за человеческое достоинство.

Пребывание в Кайзервальде — это продолжение мучений, неведение, ожидание смерти. Здесь Песя получает № 9295. Кажется, что нечеловеческим страданиям не будет конца. Любой перевод в другое место воспринимается как готовящаяся акция, любая работа — как спасение. В этом лагере Песя познакомилась с узницами из Литвы, Германии, Польши. По воскресеньям женщины собираются вместе и поют. Эти песни пели когда-то в Латвии и Литве: «Жизнь призвала нас»¹⁹⁸, «Никогда не говори, что ты идешь в последний путь»¹⁹⁹, «По тем улицам без трамваев»²⁰⁰, «Горит, братья, горит»²⁰¹, «Я тебя никогда не забуду»²⁰², «Кайзервальд, как избавиться от тебя?»²⁰³, «Я хочу быть другой»²⁰⁴, «В литовской деревне, недалеко»²⁰⁵ и др. Песни отражали настроение узников в конце войны. Чего больше в этих песнях — ностальгии по разрушенной жизни и родным местам или это форма сопротивления? Одни песни были известны до войны, другие родились в годы Катастрофы и отражают повседневную жизнь потенциальных жертв. В них слышны не только отчаяние, но и оптимистические нотки, надежда на спасение.

Только в момент освобождения «узница № 94771» задается вопросом: где в годы Катастрофы был Бог? Существует ли Он на самом деле? Почему Он допустил Катастрофу? Ответа она не знает. На этот вопрос должен ответить Он — Бог.

Некоторые эпизоды в «Записках» остаются непонятными. Не очень правдоподобным представляется следующий эпизод, хотя он сопровождается реальными моментами. В городе узница неожиданно заметила немецкого солдата, похожего на еврея²⁰⁶. Солдат по фамилии Шац вошел к ней в комнату, попросил не пугаться, сказав, что он еврей. Этот солдат рассказал, что он приехал из Риги, чтобы найти здесь жену и ребенка — якобы ему сказали, что его родные перевезены Даугавпилсе²⁰⁷. Песя просила солдата узнать о судьбе своего брата Арона. Через десять дней Шац вновь появился в Даугавпилсе, сообщив, что Арон жив, но его жена и двое детей уничтожены во время погромной акции. 8 декабря 1941 г. он принес и другую новость: доктор Рувен Гуревич жив²⁰⁸.

Столь же непонятным остается эпизод с немецким офицером, сообщившим, что в Краславе убито 400 детей. При этом убийца показывал фотографии людей, которых он пытал и расстреливал. Офицер добавил, что дети визжали как свиньи²⁰⁹. Цифры представляются завышенными или вымышленными хвастливым немецким воякой.

«Записки узницы № 94771» значительно расширяют наши представления о Даугавпилском гетто и его обитателях, их переживаниях и поступках. В отличие от других воспоминаний здесь упоминаются 84 человека, из них 80 — узники гетто. Благодаря «Запискам узницы № 94771» нам удалось узнать судьбу еще одной узницы — Песи Френкель-Залцман.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кантор М.* Не было ли это сном? : Воспоминания о Двинском гетто. [Б. м., б. г. (Израиль)]. Перевод книги с иврита на русский язык по просьбе автора этой статьи выполнен проф. Исидором Левиным (р. 20.09.1919, Двинск), ныне проживающим в Гамбурге. И. Левин считает этот перевод своим подарком еврейской общине Даугавпилса, почти полностью уничтоженной в годы Катастрофы. Сама книга М. Кантор подарена С. Грубиным, другом детства автора статьи. С 3 апреля 2013 г. книга доступна в Интернете: <https://plus.google.com/photos/112548907010929097253/albums/5862403532709724769>
- ² Установлено по данным сайта: www.names.lu.lv/ru
- ³ Альперович Яков (р. 26.12.1921) до войны работал бухгалтером, занимался торговлей, в годы войны сражался в Красной армии, позднее — в польской армии Крайовой, выжил. Последние годы жил в Израиле. Альперович Фейга (р. 1921), Альперович Минна (08.01.1924), Альперович Рива (Ребекка, 08.01.1924 — не ранее 2.05.1942), Альперович Самуил (р. 14.07.1927), Альперович Гирш (р. 08.01.1931). В книге указаны не все братья и сестры автора. Установлено по данным сайта: www.names.lu.lv/ru.
- ⁴ Основная школа в довоенной Латвии давала обязательное шестилетнее образование. — *Ред.*
- ⁵ *Кантор М.* Указ. соч. С. 2.
- ⁶ Нацистская пропаганда утверждала, что пожары — это дело рук евреев. Вероятно, пожары вспыхнули из-за бомбежек. Так сгорел Гаёк — один из районов города, где были в основном деревянные строения. В то же время английский историк Дж. Свейн показал, что для организации поджогов советские военные организовали специальную команду. См.: *Рочко И.* О главе «Геноцид» в книге Дж. Свейна «Между Сталиным и Гитлером: Классовая борьба и война рас на берегах Даугавы, 1940—1946 // Рочко И. Евреи в Латгалии: Ист. очерки. Даугавпилс, 2010. Кн. 1. С. 258.
- ⁷ Речь идет о Беньямине Плинере (29.09.1916, Петроград — 18.02.1942, погиб на фронте под Старой Руссой). Он не был «городским головой», а являлся заместителем редактора газеты «Латгальская правда». Подробнее о его судьбе см.: *Рочко И.* Евреи — коммунисты и комсомольцы Латгалии 1920—1930-х годов // Рочко И. Евреи в Латгалии: Ист. очерки. Даугавпилс, 2010. Кн. 1. С. 28.
- ⁸ *Кантор М.* Указ. соч. С. 3. Известное и популярное заблуждение части евреев, навешанное событиями Первой мировой войны, когда войска кайзеровской Германии толерантно относились к евреям.
- ⁹ *Кантор М.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁰ Человек, идущий по тротуару, находится выше человека, идущего по проезжей части. Это был один из факторов унижения евреев. Человек вне тротуара уже был отделен от остального мира.
- ¹¹ Мезуза (ивр. «дверной косяк») — прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме футляр со свитком пергамента, содержащим часть текста молитвы *Шма*.
- ¹² *Кантор М.* Указ. соч. С. 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 5. Ханнес Хир (*Hannes Heer*), немецкий историк, автор ряда монографий, фильмов, театральных постановок, разоблачающих преступления нацизма, также упоминает, что евреи в Даугавпилсе должны были носить пятиконечную звезду. Можно предположить, что таков был первоначальный приказ, который через несколько дней был изменен. На фотографиях, сделанных до 15 июля 1941 г. и хранящихся в музее «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии», на еврейских женщинах видны пятиконечные звезды. На фотографиях, сделанных в Даугавпилском гетто, на евреях уже видны шестиконечные звезды.
- ¹⁵ *Кантор М.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Там же. С. 11. Речь идет об удостоверениях ремесленников. Евреи их называли «шайнами», сравнивая их со светом (нем. *Schein* — свет, сияние). Администрация гетто обозначала их как “*apgādes kartītes*” (латыш. «карточки обеспечения»).
- ²⁰ Кантор М. Указ. соч. С. 11.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 12.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 13.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ Там же. С. 17.
- ²⁹ Там же. С. 20.
- ³⁰ Там же. С. 21. Этот эпизод совпадает со случаем в Прейли, когда полицейский штыком винтовки, ковыряясь в соломе, даже поранил ухо спрятавшегося еврея, так и не найдя его. Подробнее см.: Рочко И. Это было в Прейли // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 209.
- ³¹ Кантор М. Указ. соч. С. 23.
- ³² Это не единственный случай, когда бежавшие узники были вынуждены возвращаться в гетто. Об этом рассказывали Б. Маева и другие бывшие узники гетто. См.: Рочко И. «Они были нашими соседями...»: (Из истории Холокоста в Даугавпилсе) // Евреи в Даугавпилсе. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 149.
- ³³ Кантор М. Указ. соч. С. 28.
- ³⁴ В этой акции были уничтожены около 500 человек. Оставшиеся 487 узников гетто были переведены в Даугавпилскую крепость.
- ³⁵ Кантор М. Указ. соч. С. 25.
- ³⁶ Там же. С. 28.
- ³⁷ В крепости кроме евреев и советских военнопленных трудились вольнонаемные жители города.
- ³⁸ Кантор М. Указ. соч. С. 32.
- ³⁹ Сама она не была свидетелем этих событий. Подробно об этом дне см.: Якуб З. В те дни: Из истории Даугавпилского гетто // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 1993. С. 374—380.
- ⁴⁰ Кантор М. Указ. соч. С. 13.
- ⁴¹ Там же. С. 24. Речь идет о коменданте гетто Волдемаре Заубе, офицере бывшей латвийской армии.
- ⁴² Там же. С. 27.
- ⁴³ Капо — привилегированный заключенный в концлагерях, работавший на администрацию. Капо не пользовались уважением простых заключенных, но имели власть над ними.
- ⁴⁴ Там же. С. 26.
- ⁴⁵ Якуб З. Указ. соч. С. 343—345; Рочко И. Жертвы, спасенные и спасатели // Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И. и др. Холокост в Латгалии. Даугавпилс, 2003. С. 94; По ту сторону фронта: Судьба Ривки // Форвергс. 2000. 21—27 авг.
- ⁴⁶ По другим данным, она была крещена в Резекне.
- ⁴⁷ Кантор М. Указ. соч. С. 28—29.
- ⁴⁸ Рочко И. «Они были нашими соседями...» С. 150; Он же. Евреи в Латгалии: Ист. очерки. Даугавпилс, 2010. Кн. 1. С. 184—185.
- ⁴⁹ Кантор М. Указ. соч. С. 22.
- ⁵⁰ Там же. С. 27.
- ⁵¹ Там же. С. 29.
- ⁵² Там же. С. 29.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 55.
- ⁵⁵ Там же. С. 28.
- ⁵⁶ Как считает переводчик текста проф. И. Левин, это свидетельствует о психологическом таланте девушки.
- ⁵⁷ Кантор М. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк. Его строительство началось весной 1943 г., а первые узники сюда были переведены летом 1943 г. Это был трудовой лагерь, имевший 11 филиалов. Заключенные работали на крупные немецкие фирмы, одной из которых являлась

АЕГ, находившаяся в помещениях бывшего завода «ВЭФ»). Летом 1944 г. в связи с приближением Красной армии началась селекция узников: часть были уничтожены, а часть — постепенно эвакуированы в концлагеря Польши и Германии. В сентябре 1944 г. лагерь был ликвидирован.

⁵⁹ *Кантор М.* Указ. соч. С. 33. Это отношение очень напоминает высказывания мемуариста М. Кауфмана (*Кауфман М.* Хурбн Летланд: Уничтожение евреев в Латвии. Рига, 2012).

⁶⁰ Об этом же случае рассказывал отец автора этих строк Гершон Рочко, узник Даугавпилсского гетто, концлагерей Кайзервальд и Штуттгоф.

⁶¹ Речь идет о лагере Донданген II, известном также как Попервальн. Находился в Талсинском уезде, являлся одним из филиалов рижского концлагеря Кайзервальд. Лагерь был создан в ноябре 1943 г. Условия жизни узников, особенно на начальном этапе существования лагеря, были ужасными. Узники были вынуждены жить под открытым небом или в палатках. В связи с этим в лагере была очень высокая смертность. 24—25 июля 1944 г. в связи с прорывом частей Красной армии к Тукумсу концлагерь был ликвидирован. Большую часть узников погнали в Кулдигу, а небольшую группу — в Лиепаю. (См. также прим. 20 на с. 190—191. — *Ред.*)

⁶² *Кантор М.* Указ. соч. С. 39.

⁶³ Там же. С. 44. Стрижка волос, по мнению оккупантов, рассматривалась как борьба со вшами и инфекциями, а с другой стороны, затрудняла побег — беглый узник мог быть легко обнаружен по такой стрижке.

⁶⁴ Переводчик книги проф. И. Левин и автор данной статьи сомневаются в достоверности данного эпизода. Сомнительно, что нацисты отдали приказ полицейским расстрелять группу евреев на лагерной площадке. Обычно такие акции проводилась за пределами лагерей. Возможно, имела место попытка запугать узников.

⁶⁵ Нет смысла искать рациональное объяснение, почему узниц отправили в Польшу по железной дороге, когда в то время железнодорожные пути были забиты отступающими немецкими частями.

⁶⁶ Штуттоф — нацистский концлагерь на нынешней территории Польши близ Данцига (ныне Гданьск). Был создан в сентябре 1939 г. В разное время имел более 80 филиалов. В лагере действовали крематорий и газовая камера. За время существования лагеря в нем были зарегистрированы от 110 тыс. до 120 тыс. заключенных. В январе 1945 г. в связи с приближением Красной армии последних 10—15 тыс. узников перегнали на запад. Во время этого «марша смерти» многие узники погибли, часть — были расстреляны.

⁶⁷ По данным сайта www.names.lv/ru/?c=22 августа 1944 г. М. Кантор находилась в концлагере Дахау.

⁶⁸ *Кантор М.* Указ. соч. С. 52.

⁶⁹ Там же. С. 53.

⁷⁰ Там же. С. 54—55.

⁷¹ Там же. С. 55.

⁷² Президент США Ф. Д. Рузвельт умер 12 апреля 1945 г.

⁷³ М. Кантор была освобождена в районе города Махлсдорф в Верхней Баварии. Во время Второй мировой войны он был объектом нескольких воздушных налетов союзников с целью нарушения железнодорожного сообщения с Мюнхеном.

⁷⁴ *Кантор М.* Указ. соч. С. 58.

⁷⁵ Точно такие же мысли возникли у 15-летней девочки из Прейли Шейны Грам, которые она записала в своем дневнике незадолго до смерти. На памятнике мемориального ансамбля на еврейском кладбище в Прейли выбиты слова Ш. Грам: «Передо мной встанут лица расстрелянных. Мне кажется, что они... плачут» (см. *Рочко И.* Это было в Прейли. С. 212). Подробнее о Ш. Грам см. в ст. Ш. Латвинского, помещенной в настоящем сборнике, с. 87—96.

⁷⁶ *Кантор М.* Указ. соч. С. 1—2.

⁷⁷ Там же. С. 1.

⁷⁸ *Ивенса С.* Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора. М., 2005.

⁷⁹ О главе этой книги, посвященной событиям в Даугавпилсском гетто, см.: *Рочко И.* О книге Х. Курицкого «Уцелеть и рассказать» // Рочко И. Евреи в Латгалии. Ист. очерки. Даугавпилс, 2012. Кн. 1. С. 236—253.

⁸⁰ Гитлерюгенд (прозвище «коричневорубашечники») — юношеская военизированная нацистская организация в Германии.

⁸¹ *UNRA* (Организация помощи и восстановления Объединенных Наций), созданная по инициативе президента США Ф. Д. Рузвельта еще до основания ООН, в 1943 г. Является частью ООН. *UNRA* организовала помощь жертвам войны, предоставляя питание, одежду, топливо, медицинские услуги.

- ⁸² Еврейская бригада британской армии — единственное национальное подразделение в составе западных союзных войск. Создана в 1944 г. В мае 1945 г. бригада была перебросена на северо-восток Италии, где впервые встретилась с евреями, пережившими Катастрофу. В бригаде были созданы специальные комитеты, заботившиеся о евреях и помогавшие им добраться до Палестины.
- ⁸³ Армия Андерса — польское воинское формирование, созданное советским правительством и генералом Владиславом Андерсом в 1941—1942 гг. на территории СССР по соглашению с польским правительством в изгнании из польских граждан, находившихся на территории СССР (в том числе беженцев, интернированных военнослужащих польской армии и амнистированных заключенных). В июле 1943 г. части армии Андерса были переформированы во 2-й Польский корпус в составе британской армии.
- ⁸⁴ *Френкель-Залцман П.* Записки узницы № 94771 / Под ред. М. М. Шафир; Пер. с идиша на англ. М. Дашкин-Бекерман. Монреаль, 1949.
- ⁸⁵ Быдгощ — город в Польше, немецкое название во время оккупации — Бромберг.
- ⁸⁶ Автор воспоминаний фактически ничего не сообщает о своих сестрах и братьях. Согласно сайту www.pames.lu.lv, ее родными братьями и сестрами были Самуил Мойша (1892, Динабург — 1941, убит), Хаим Лейб (1897, Двинск — ?), Арон Ошер (1904, Двинск — ? Рига, убит), Шифра (1909 — Рига, убит), Абрам (1912, Двинск — ? Даугавпилс, убит). О других родных Песи сведений найти не удалось.
- ⁸⁷ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 6.
- ⁸⁸ Там же. С. 6.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 8.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же. С. 10.
- ⁹³ Речь идет об Александро-Невском соборе, или православном кафедральном соборе святого Александра Невского. Функционировал до 1961 г., позднее — склад, выставочный зал. Взорван в 1969 г. Ныне на его месте возведена часовня.
- ⁹⁴ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 11.
- ⁹⁵ Там же. В Даугавпилсе и в других городах Латгалии евреи подвергались преследованиям не только со стороны части латышей, но и части русских, поляков и др. Автор воспоминаний всегда пишет только о латышах, которые, видимо, составляли большую часть коллаборационистов.
- ⁹⁶ Там же. С. 12.
- ⁹⁷ Сейчас на этом месте находится гостиница «*Park Hotel Latgola*». Подробно о событиях на площади см.: Якуб З. Указ. соч. С. 295—297. *Курицкий Х.* Уцелеть и рассказать. [Б. м. (Израиль), б. г.].
- ⁹⁸ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 14.
- ⁹⁹ В книге не сообщается, кто был комендантом города. Возможно, автор и не запомнила его фамилию. Им мог быть начальник латышской вспомогательной полиции, капитан бывшей латвийской армии Э. Петерсонс, фактический глава города, или Р. Блузманиц.
- ¹⁰⁰ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 15.
- ¹⁰¹ Там же. С. 17. Автор воспоминаний об этом эпизоде пишет так: «Пять убийц и два бандита. Все... они лаяли на немецком языке». Можно понять эмоции человека, чья жизнь висела на волоске.
- ¹⁰² Там же. С. 19.
- ¹⁰³ Там же. С. 20.
- ¹⁰⁴ Плановер (Плановая), или синагога Рогачевского раввина, построенная в 1840 г. Находилась по ул. Лачплеша, 57.
- ¹⁰⁵ Цифра явно преувеличена.
- ¹⁰⁶ Грива — ныне левобережная часть г. Даугавпилса.
- ¹⁰⁷ Возможно, это был просто гривский полицейский участок.
- ¹⁰⁸ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 22—23.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 24.
- ¹¹⁰ На самом деле этот приказ был оглашен 13 июля. Диаметр этого знака должен был быть 12 см.
- ¹¹¹ З. Якуб писал: «В конце июля на базарную площадь Гривы согнали евреев — детей, стариков, больных и под усиленной охраной погнали колонну с музыкой и пением (для пушного эффекта). 31 июля староста Гривы сообщил через печать, что и Грива свободна от евреев. При этом он хвалился тем, что от ограбленных евреев много имущества» (Якуб З. Указ. соч. С. 303).

- ¹¹² Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 27.
- ¹¹³ Кройн Яков (Якоб) (11.07.1906 — после 5.02.1942, погиб) — узник гетто.
- ¹¹⁴ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 29.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ В Междиемсе создан мемориальный ансамбль и памятный камень на месте перезахоронения останков узников гетто.
- ¹¹⁷ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 30.
- ¹¹⁸ Ezerģails A. Holokausta vācu okupētajā Latvijā, 1941—1944. R., 1999. 315. lpp. Купание мужчин происходило с 7 до 8 и с 14 до 15 часов, а женщин — с 8 до 9 и с 15 до 16 часов.
- ¹¹⁹ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 31.
- ¹²⁰ Проклятая еврейка (нем.).
- ¹²¹ Геллерман Шмерл (1878—1941) и две его дочери Маша (1909—1941) и Рива (1911—1941) были расстреляны в Эглайне в июле 1941 г. Обращает на себя внимание то, что об этом факте узнали в Даугавпилском гетто. Возможно, это могли сообщить евреи из Илукстского уезда, часть которых перенали в Даугавпилское гетто.
- ¹²² Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 34.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. Ч. 2. С. 7.
- ¹²⁵ В 1938 г. началось принудительное изгнание из Германии польских евреев, живших там многие годы. Польша их не приняла, и несчастные люди были вынуждены скитаться в ужасных условиях в приграничной полосе. Среди изгнанников находились родители Г. Гринспена. Возмущенный бездействием мировой общественности 7 ноября 1938 г. студент Гершель Гринспен (Грюншпан) застрелил секретаря немецкого посольства в Париже Э. фон Рата. Это событие стало непосредственным поводом для объявления нацистами так называемой «Хрустальной ночи» (с 9 на 10 ноября 1938 г.), во время которой в Германии и Австрии произошли массовые убийства и депортации евреев в концлагеря, погромы магазинов и жилых домов.
- ¹²⁶ Узники гетто называли эти документы «шайн», т. е. сияние.
- ¹²⁷ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 2. С. 12.
- ¹²⁸ Там же. С. 13.
- ¹²⁹ Вон! Быстро! (нем.).
- ¹³⁰ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 2. С. 14.
- ¹³¹ Там же. С. 14.
- ¹³² Там же. С. 16.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Узники Браславского гетто были уничтожены 3 июня 1942 г. — *Ред.*
- ¹³⁵ Саферн-Фукс Израиль Мешулим Залман (17.03.1911, Австрия — 3.06.1942, Браслав, Белоруссия) — раввин, доктор философии. Более известен под именем Алтер Фукс.
- ¹³⁶ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 2. С. 21.
- ¹³⁷ Там же. С. 23.
- ¹³⁸ Речь идет об одном из братьев Покерман — Меере (1895—1961) или Хаиме (1900—1959). Более подробно об их судьбе см. в ст.: Рочко И. «Они были нашими соседями...» (Из истории Холокоста в Даугавпилсе) // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 154.
- ¹³⁹ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 2. С. 29—31.
- ¹⁴⁰ В это время больница фактически перестала работать.
- ¹⁴¹ Идишкайт (*идиши*) — еврейский дух.
- ¹⁴² Эллерин Бецалель (1910, Двинск — ?) выжил, после войны работал в Даугавпилсе.
- ¹⁴³ Хомец (др.-евр. «квасное») — пицца, запрещенная к употреблению в дни иудейской Пасхи.
- ¹⁴⁴ Кашрут — термин, означающий дозволенность или пригодность пищи для употребления согласно религиозным предписаниям иудаизма.
- ¹⁴⁵ Пастернак Арон (1903 — после 05.02.1942, убит), его пятеро детей и жена Хая погибли в гетто. До войны занимался торговлей, был начальником пожарной команды.
- ¹⁴⁶ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 3. С. 6.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 7

- ¹⁵⁰ З. Якуб называет и других врачей: Юдина, Гуревич, Гольдман, Розенблюм (*Якуб З.* Указ. соч. С. 312). Первым заведующим больницей был доктор Хнох, после его расстрела — Иешуа Дамье.
- ¹⁵¹ Там же. С. 312. Указаны акушерки Шмускина и Кац, медсестра Мильман.
- ¹⁵² З. Якуб указывает, что заведующим аптекой был Шмуэль Вовси.
- ¹⁵³ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 3. С. 7.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 19. Подробнее об этом см.: *Рочко И.* О книге Х. Курицкого «Уцелеть и рассказать». С. 249—250.
- ¹⁵⁵ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 3. С. 25. Итало-немецкая группировка в Северной Африке была окончательно разгромлена союзниками 13 мая 1943 г.
- ¹⁵⁶ Бергер Берта (15.03.1914 — 1941, погибла в гетто).
- ¹⁵⁷ Эллерин Арон (1879, Грива — ?; погиб, но не в Даугавпилском гетто) — отец Бецалеля Эллерины.
- ¹⁵⁸ *Горин Ш.* Жизнь в колесе огня: Размышления и воспоминания. [б. м. (Германия)], 2007. С. 113.
- ¹⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Якуб З.* Указ. соч. С. 356—359.
- ¹⁶⁰ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 3. С. 25.
- ¹⁶¹ Там же. Ч. 4. С. 5. Зарх Майя (в замужестве Абрамович) — узница Даугавпилского гетто и концлагерей. Выжила, последние годы жила в ЮАР.
- ¹⁶² Подробнее об этом эпизоде см.: *Якуб З.* Указ. соч. С. 326.
- ¹⁶³ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 11.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 12. А. Эзергайлис пишет, что после ликвидации гетто в городе оставались доктор Б. Вовси и зубной техник А. Магид, который выжил.
- ¹⁶⁵ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 10.
- ¹⁶⁶ Муниц Юдель (17.06.1912 — 28.10.1943) до войны работал обивщиком мебели.
- ¹⁶⁷ Подробнее см.: *Рочко И.* «Они были нашими соседями…» С. 148—149.
- ¹⁶⁸ После войны бывшие узники гетто никогда не снимали дачи в этом месте.
- ¹⁶⁹ Фейгин Шолом Юдель (1912—28.10.1943) до войны был музыкантом. Его родной брат Мовша Фейгин (28.02.1908, Двинск — 11.08.1950, Буэнос-Айрес) был известным шахматистом.
- ¹⁷⁰ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 13.
- ¹⁷¹ Сестры Медниковы — Лия и Циля (р. 1922), до войны работали портнихами.
- ¹⁷² Адельсберг Ната (07.10.1924) — узница гетто. Выжила, последние годы жила в Израиле. Подробнее о ее семье см.: *Рочко И.* Последние свидетели // Евреи в Латгалии: Ист. очерки. Даугавпилс. 2010. Кн. 1. С. 178—180.
- ¹⁷³ Рошман Эдуард (25.11.1908, Грац, Австро-Венгрия — 10.08.1977, Асунсьон, Парагвай) — с января 1943 по октябрь 1944 г. комендант Рижского гетто, затем служил в концлагере Кайзервальд. Получил прозвище «Рижский мясник».
- ¹⁷⁴ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 17.
- ¹⁷⁵ Зарх (в замужестве Абрамович) Майя (Малка) (р. 01.05.1928) — бывшая узница Даугавпилского гетто и концлагерей, выжила. После войны жила в ЮАР. Написала воспоминания о своей жизни.
- ¹⁷⁶ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 26.
- ¹⁷⁷ *AEG* — до войны и впоследствии — «ВЭФ», в настоящее время не существует. Работа на *AEG* проходила в три смены: с 6 утра до 14.00, с 14.00 до 22.00 и с 22.00 до 6 утра.
- ¹⁷⁸ Даугавпилс был освобожден от нацистов 27 июля 1944 г.
- ¹⁷⁹ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 5. С. 6.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ См. *Мелер М.* Места нашей памяти: Еврейские общины Латвии, уничтоженные в Холокосте. Рига, 2010. С. 350.
- ¹⁸² Елгава была освобождена от нацистов 31 июля 1944 г. Стразденгоф (Штрасденгоф) — концлагерь, филиал рижского концлагеря Кайзервальд, который находился в рижском районе Юлга. О событиях в Стразденгофе пишут в своих воспоминаниях рижанин Макс Кауфман (*Кауфман М.* Указ. соч. С. 302—304) и депортированная из Литвы в Ригу Маша Рольникайте (*Рольникайте М.* Я должна рассказать. Екатеринбург, 2012. С. 136—165).
- ¹⁸³ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 5. С. 12.
- ¹⁸⁴ Город на севере Польши, на реке Висле.
- ¹⁸⁵ *Френкель-Залцман П.* Указ. соч. Ч. 5. С. 27.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 28.

- ¹⁸⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸⁸ Там же. Ч. 1. С. 4.
- ¹⁸⁹ Там же. Ч. 5. С. 29.
- ¹⁹⁰ Там же. Ч. 1. С. 4.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Ныне земля Гесен.
- ¹⁹³ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 1. С. 2.
- ¹⁹⁴ См.: Zellis K. Iļūzija un baiļu mašīnērija: Propaganda nacistu okupētajā Latvijā: vara, mediji un sabiedrība (1941—1945). R., 2013.
- ¹⁹⁵ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 5. С. 4.
- ¹⁹⁶ Там же. Имелись в виду кварталы гетто.
- ¹⁹⁷ Разумеется, существовала совокупность других причин, толкнувших людей на путь коллаборационизма. Однако главной задачей автора «Записок» было рассказать свою историю в гетто.
- ¹⁹⁸ «Дер лебн геруфн унз».
- ¹⁹⁹ «Зог нит кейн мол, аз ду гейст ин лецтен вег». Речи идет о «Гимне партизан» (подробнее см.: Гельцер Ш. Жизнь одной песни в XX и XXI столетиях («Гимн партизан») // Евреи в меняющемся мире: Материалы 6-й Междунар. конф., Рига, 11—14 сент. 2006 г. Рига, 2009. С. 248—261).
- ²⁰⁰ «Ди зелбе гасен он трамваен».
- ²⁰¹ «Эс брент, бридерлех, эс брент».
- ²⁰² «Вел их кейн мол дир нит фаргесен».
- ²⁰³ «Кайзервалд, ви фун дир потер верен?»
- ²⁰⁴ «Их вил зайн ан андере».
- ²⁰⁵ «Ин литвишин дорф, нит вайт». В этой песне поется о еврейском мальчике Йоселе, которого мать вынуждена оставить чужим людям. Мать надеется, что ребенок будет спасен.
- ²⁰⁶ Автору этой статьи приходилось слышать о солдате или офицере, похожим на еврея. П. Френкель-Залцман называет его фамилию — Шац.
- ²⁰⁷ Френкель-Залцман П. Указ. соч. Ч. 3. С. 3. Никто из Рижского гетто не был переведен в Даугавпилс. И хотя эпизод снабжен достоверными сведениями, трудно поверить, что солдат признается в том, что он еврей. Во-первых, возможно, его жена была немецкой еврейкой и вместе с детьми была переведена в Рижское гетто. Во-вторых, евреем мог быть кто-то из его родных, поскольку такие люди, используя поддельные документы, могли служить в нацистской армии. Подробнее об этом см.: Rīgas B. M. Žīdu karavīri Hitlera armijā. R., 2012. Там сообщается, что некто Фриц Штейнвассер, военнослужащий немецкой армии, видел последние минуты своих соплеменников: «Мое сердце обливалось кровью». Как-то находясь на мосту в Даугавпилсе, он увидел, как в овраг в 200 м от моста согнали группу обнаженных евреев. Все они были расстреляны. Среди них были и младенцы. Ф. Штейнвассер утверждал, что расстрел производили люди из латышской СС. (Возможно, он имел в виду добровольцев.) Немецкий военнослужащий со слезами на глазах думал о своей семье: «Среди них мог быть и мой дедушка». Причем увиденное им не было редким явлением (С. 311).
- ²⁰⁸ Гуревич Рувен Маркович (02.01.1881, Витебск — 28.07.1944, Рига, покончил с собой) — врач. 2 августа 1941 г. сопровождал узников Даугавпилского гетто к месту расстрела. По дороге смог бежать с помощью знакомого крестьянина, несколько месяцев скрывался у него. По личной просьбе в мешке на телеге был перевезен в Рижское гетто, позднее находился в концлагере Кайзервальд, где принял яд.
- ²⁰⁹ В Краславе в 1935 г. проживали 1444 еврея. Кроме того, евреи жили в близлежащих населенных пунктах (Индра, Пиедруя и др.). Часть из них были уничтожены на месте, часть с началом войны успели бежать в Россию, а несколько сотен человек перегнали в Даугавпилское гетто.